

ПИБОИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братъев Стругацких

Майк Гелприн

ХАРМОНТ. НАШИ ДНИ

Пикник на обочине

Майк Гелприн

Хармонт. Наши дни

«АСТ»

2014

Гелприн М.

Хармонт. Наши дни / М. Гелприн — «АСТ», 2014 — (Пикник на обочине)

ISBN 978-5-17-082662-9

Многое изменилось в Хармонте с тех пор, как сталкер Рэдрик Шухарт вынес из Зоны «Золотой шар»... Нет Рыжего, умер Гуталин, уехал из города Дик Нунан. «Черные брызги», «пустышки» и «булавки» приносят скупщикам хабара уже новые сталкеры. Весь теневой бизнес подмяла под себя криминальная империя Карла Цмыга – сталкера по кличке Карлик, когда-то женившегося на красавице Дине Барбридж. Подросла дочь покойного Гуталина – Сажа, вернулся в город эмигрант Ян Квятковски, по кличке Джекпот, прибыла выдающая себя за журналистку дочь Дика Нунана Мелисса, накопил силы клан наркобарона Стилета Панини. Но главное – изменилась сама Зона. Это уже не просто смертельно опасное место, куда отправлялись на поиски хабара отчаянные парни. Однажды Зона, подобно сжатой пружине, выстрелила, разом изменив все в Хармонте и поставив героев перед необходимостью выживать. Зона причудливо переплела судьбы Карлика, Джекпота, Сажи, Мартышки и многих других. Предательство и смерть, любовь и ненависть, войны наркомафии и аномалии Зоны... И лишь тем, кто уцелел, удастся наконец понять – кто они друг другу? Свои. Или – чужие?

ISBN 978-5-17-082662-9

© Гелприн М., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Часть 1. 1989—1991	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Майк Гелприн

Хармонт. Наши дни

© Майк Гелприн, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1. 1989—1991

Ричард Г. Нунан, 54 года, представитель поставщиков электронного оборудования при хармонтском филиале Международного Института Внеземных Культур

Швейцар в холле невзрачного здания с неприметной вывеской «Юридическая контора Корш, Корш и Саймак», как обычно, клевал носом. Ричард Г. Нунан неодобрительно покачал головой и взбежал по лестнице на второй этаж. Привычно принялся к стойкому, не выветрившемуся за многие годы запаху, поморщился, подсадовал, что природу этого запаха так и не сумел определить, и попылился по тёмному, крытому прохуdivшимся ковром коридору.

В приёмной старательно стучала по клавишам блондинистая секретарша. Ричард попытался вспомнить, как же её зовут, не вспомнил и приветливо помахал ручкой.

– У себя? – понизив голос, заговорщицки спросил он.

Секретарша кивнула, и Ричард посеменил в кабинет. Господин Лемхен был у себя. Его прямоугольное генеральское лицо при виде визитёра привычно собралось в складки и приняло неопределённое выражение, означавшее то ли приветливую улыбку, то ли досаду от того, насколько господину Лемхену всё обрыдло.

– Присаживайтесь, – небрежно предложил господин Лемхен. – Располагайтесь.

Ричард устроился на краешке неудобного громоздкого стула для посетителей и приготовился к обычной малоприятной рутине. Ежемесячные отчёты перед начальством удовольствием были весьма сомнительным. Учитывая начальственный нрав – в особенности.

– Должен сказать, – медлительно проговорил господин Лемхен, – в кои-то веки я вами доволен.

От удивления Ричард сморгнул и едва не переспросил, не ослышался ли. Доволен господин Лемхен бывал, разве что когда кого-нибудь из коллег понижали в должности или увольняли в отставку.

– Да-да, – кивком подтвердил хозяин кабинета. – Утечка материалов из Зоны практически прекратилась, за последние полгода поток, можно сказать, почти иссяк. Я, правда, не уверен, что причиной тому именно ваша деятельность.

Удивление враз прошло. Ричард почувствовал даже некоторое облегчение от того, что неожиданная благосклонность начальства сменилась привычным недовольством. Конечно, так тебя и растак, моя деятельность ни при чём. Псу под хвост нужна эта моя деятельность. Хабар перестал утекать налево сам по себе, эдак тебя и разздак. Сталкеры внезапно синхронно помутились умом и решили пожить в тюрьме, свобода им, туда их растуда, поднадоела. И, разумеется, никакой Ричард Г. Нунан и рядом с этими событиями не стоял.

– Вам виднее, – вслух сказал он, демонстративно разглядывая чёрные казённые портьеры на окнах.

– Разумеется, – согласился господин Лемхен. – Разумеется, мне виднее. И так, материалы противнику больше не поступают. Ни из нашей Зоны не поступают, ни из других. Сталкеры поумирали. Те, что не поумирали, упрятаны за решётку. Те, что не упрятаны, отошли от дел, а молодые, как обычно, никуда не годятся. Так?

– Допустим, так, – согласился Ричард осторожно.

– Допустим-допустим. А кстати, как с ними обстоят дела, со сталкерами?

Ричард вздохнул и скучным размеренным голосом принялся излагать:

– Стервятник Барбридж, как вы наверняка помните, ненадолго пережил сына. Рыжий Шухарт в тюрьме. Носатый Бен-Галеви, Курёнок Цапфа, Креон Мальтиец в соседних с ним камерах. Карлик Цмыг женился на Дине Барбридж, так что ему теперь, – Ричард хохотнул, – не до Зоны, за женой бы углядеть. Кого я ещё позабыл?

Господин Лемхен раскрыл лежащую перед ним пузатую папку и сверился с её содержанием.

– Ну а как поживает Гундосый Гереш? – небрежно осведомился он.

– Один из немногих действующих сталкеров, – в тон начальству ответил Нунан. – Хабар через Мосла сбывает мне. Правда, хабара не много. Есть ещё пара-тройка из новых: Лохматый Батчер, Прощельга Мартен, потом этот, как его... Киприот Сатырос. Тоже сбывают мне и тоже не много, можно считать, ничего.

– Понятно. А скажите-ка мне, Ричард, вам не приходило в голову, что приток материала прекратился не оттого, что сталкеров поприжали, а те, кого не поприжали, разучились работать, а попросту потому, что шкатулочка-то не бездонна?

– В каком смысле? – растерянно переспросил Ричард.

– Да в самом прямом. Вы, с позволения спросить, «Доклады Института Внеземных Культур» изучаете?

– Изучаю, конечно, – соврал Ричард. – С регулярностью.

– Плохо, значит, изучаете. По мнению наших героических учёных, ведущих заметьте, ресурс хармонтской Зоны на настоящий момент практически выработан. А проще говоря, всё, что можно оттуда вытащить, уже упёрли. Остались лишь запрещённые для изучения материалы: «студень» этот, как его, мерзкий. «Пух», «зелёнка», что там ещё есть?

Ричард вытащил носовой платок и промокнул внезапно вспотевшую лысину.

– Вы хотите сказать... – неуверенно начал он.

– Да я, по сути, уже сказал. Орден вы свой получите, представление я подписал. Не исключено, что получите и повышение. Но вот деятельность ваша в Хармонте подходит к концу, Ричард. Платить вам здесь баснословную зарплату становится несколько нерентабельно, вы согласны? Тем более, используете вы её явно наилучшим образом. Это ваше заведение, – господин Лемхен поморщился, – которое, собственно, публичный дом. Мне, знаете, несколько даже неудобно, что мой сотрудник и подчинённый – хозяин борделя. Нет, я, конечно, понимаю, что весёлый дом с девочками у вас для прикрытия. Однако можно было бы подобрать что-нибудь попримечнее, вы не находите? Лавку какую-нибудь там, парикмахерскую, сапожную мастерскую...

Вот оно как, отстранённо разглядывая потолок, думал Нунан. Надо же... Старый боевой конь стал не нужен. А я даже позабыл как-то о такой перспективе. Обвыкся уже здесь, прижился, врос в этот город, дом вон зачем-то купил. Повышение... Да подотришь ты своим повышением, кому нужен спецагент, которому уже как следует за пятьдесят, пускай он и с неоценимым опытом.

– Спасибо, – сказал Ричард вслух. – Орден – это прекрасно. Я буду носить его, не снимая. Он поднялся и, не прощаясь, двинулся на выход.

– Пойдите! – рявкнул в спину господин Лемхен. – Я вас ещё не отпустил. И не уволил. Пара месяцев у вас есть. Может статься, даже три месяца. Успокойтесь, поберегите нервы, съездите в отпуск.

– В отпуск? – механически повторил Ричард. – Какой уж там отпуск.

– Да самый обыкновенный. Сколько вы здесь сидите безвылазно? Пятнадцать лет? Вот-вот. Съездите куда-нибудь, развейтесь, потом вернётесь, подготовите к сдаче дела, тем более, дел осталось не так много. Незаменимых, знаете ли, у нас нет. С рекламациями как-нибудь справится секретарша, а в борделе, думаю, девочки обойдутся без вас.

Пинок под зад, тоскливо думал Ричард Г. Нунан, медленно ведя «пежо» по центральным хармонтским улицам. Вот и мне достался пинок под зад. Что же теперь делать, а? Продать дом, обстановку. Продать «Пять минут», заведение прибыльное, от покупателей отбою не будет. И убраться отсюда к чертям, туда, где о спецагентах люди читают в книжках, а не называют

их друзьями, доверяют им и садятся потом в тюрьму. Туда, где неоткуда вынести Золотой шар, где вообще нет никаких шаров, кроме разве что бильярдных. И где не надо называться чужим именем, не надо жить по легенде, не надо напиваться вдрызг с лихими людьми, которые считают тебя другом и ведут себя с тобой как с другом. И которые, если узнают, кто на самом деле их друг, то прожить тебе позволят, может быть, минут пять.

Может быть, и в самом деле – в отпуск. Лемхен прав, за пару недель ничего тут без Ричарда Г. Нунана не случится, обойдутся тут без него. Рвануть в Тампа-бэй, Мелиссу пови-дать, ей в будущем году уже в школу. Ричард попытался вспомнить, как выглядит дочь, кото-рую видел-то два раза всего, проездом, и не сумел. В памяти осталась белобрысая девчонка с косичками, балованная и упрямая недотрога. Неожиданное и нелепое последствие короткого курортного романа. Провинциальная анемичная школьная учительница, мать Мелиссы, даже настоящего имени Ричарда не знала. Дочери дала фамилию Нунан, символично, не правда ли? С такой профессией, как у него, детей иметь не рекомендуется, он, собственно, месяцами и не вспоминал, что отец. Да и девчонка наверняка его не помнит, ну приходил пару раз смешной плешивый дядька, приносил несуразную заводную куклу и плюшевого тигрёнка, болтал вся-кую ерунду. Он действительно тогда болтал ерунду, не знал, о чём говорить, да и зачем.

Ричард припарковал «пежо» в двух кварталах от «Боржча», вытянул из приёмного гнезда «этак» и, откинувшись на сиденье, закрыл глаза. Замер, волевым усилием укротил разошед-шиеся не на шутку нервы и заставил себя сосредоточиться. Надо взять себя в руки и как сле-дует подумать, методично внушал себе Ричард. Ты отвык по-настоящему думать, дружище. За эти пятнадцать лет ты столько раз хитрил, двурушничал, водил за нос, так свыкся с окольными извилистыми путями, что теперь, когда надо пройти путём прямым и коротким, не знаешь, как на него ступить.

Так, прежде всего, следует оборвать связи. Обрезать развесистую мохнатую паутину, которую сплёл за все эти годы и в которой барахтались под присмотром внимательного дело-витого паука потенциальные его жертвы. Сталкеры, скупщики, сбытчики, предприниматели, мошенники, полицейские, бандерши, шлюхи – все.

Четверть часа спустя Ричард выбрался из «Пежо». Кругленький, толстенький, благооб-разный, он заспешил по ухоженному тротуару по направлению к «Боржчу», не забывая на ходу делать ручкой, приподнимать шляпу и раздавать приветливые улыбки знакомым.

В «Боржче», как всегда в это время дня, былолюдно. Старина Эрни всё ещё досиживал. Ричард привычно подумал, не похлопотать ли ему, чтобы старине накинули ещё пару лет, и тут же себя осадил. Патологический служака, беззлобно выругал он себя. Пёс цепной, дуболом. Какое тебе теперь дело до Эрни и до всех остальных.

– Розалия! – крикнул Ричард бодро. – Шураско и два пива, да побыстрее. И коньяку.

– А вас тут, господин Нунан, разыскивали, – подбежала официантка. – Велели как можно скорей позвонить.

Вот прямо сейчас, ответил Ричард про себя, ждите. Сейчас я побегу вам отзваниваться, как же. Буду рыть копытом землю, выслуживаться и яростно выполнять свой долг. А дулю не хотите, дорогой неизвестный абонент? Теперь до меня вы будете долго дозваниваться, кончи-лись, дорогуша, прежние времена.

– И кто меня разыскивал? – осведомился Ричард весело. – А впрочем, неважно, если ещё раз позвонит, передайте ему, что может поцеловать меня в задницу.

Официантка зарделась, но, вопреки ожиданию, не убежала прочь.

– Это был мистер Каттерфилд, – сообщила она. – Велел передать, что дело не терпит отлагательств. Возможно, сказал, вопрос жизни и смерти.

Ричард досадливо крикнул и поплёлся-таки к телефону. Джеймс Каттерфилд по про-звищу Мясник шуток не жаловал и по пустякам не тревожил. Вопрос жизни и смерти, надо

же. Должно было случиться нечто на самом деле безотлагательное, раз Мясник позволил себе такую формулировку.

С минуту, не перебивая и старательно прижимая телефонную трубку к уху плечом, Ричард вслушивался в слова собеседника. Затем недовольно фыркнул, с жалостью проводил глазами поднос с тарелкой дымящегося шураско и двумя запотевшими кружками со светлой пенистой жидкостью.

– Ждите, – бросил он в трубку. – Скоро буду.

Проклятие, вслух бранился Ричард Г. Нунан, гоня «пежо» через город к клинике Мясника. Какого чёрта я сорвался с места, кто он мне, этот человек, к которому я мчусь сейчас, будто мне пригнали задницу. Да никто, давний собутыльник и явный псих. Помирает он, видите ли. Таким, как он, помереть положено было уже давно, удивительно, как он умудрился до сих пор не протянуть ноги.

Мясник, первый на планете врач-специалист по нечеловеческим заболеваниям человека, встречал Ричарда в приёмном покое. Вместе они поднялись в лифте на второй этаж. Здесь, в отдельной палате, умирал Гуталин, последний действующий сталкер из старой гвардии. А вернее, антисталкер, неделями пропадавший в Зоне, чтобы «отдать дьяволу дьявола». Хабар, попавший в руки Гуталина, исчезал под землёй навечно, закопанный, по слухам, в местах, куда не рискнул бы сунуться ни один сталкер.

– Хотел видеть Рыжего, – объяснял на ходу Мясник. – Больше никого, только Рыжего, перед смертью. Что-то важное собирался ему сообщить. Потом, когда уразумел, наконец, что Рыжий за решёткой, велел звать вас. Вы с ним поаккуратнее, в мозгах у него, знаете ли...

В палату Нунан вошёл один. Гуталин, отощавший, с заострившимся губастым лицом, ставшим из чёрного серым, лежал на койке под капельницами и хрипло, с присвистом дышал. Он походил на старую подопытную обезьяну, издыхающую после неудачного эксперимента.

В палате Ричард Г. Нунан провёл четверть часа. Затем, стремительно шагая, выбрался в коридор и велел мающемуся под дверью ожиданием санитару срочно вести к Мяснику.

– Сколько ему осталось? – требовательно спросил Ричард, едва переступив порог роскошного, позолотой отделанного кабинета.

Мясник лениво пожал плечами.

– Сутки. Может быть, двое, если повезёт.

– Мне нужно по крайней мере три дня.

– В каком смысле? – Брови у Мясника поползли вверх. – Что это значит: «нужно»?

Ричард Г. Нунан стремительно пересёк кабинет и наклонился к хозяину. Сейчас Ричард не походил на довольного жизнью благостного толстячка, а был он сейчас сосредоточен и угрюм, и исходило от него нечто такое, отчего Мясник отшатнулся и испуганно заморгал.

– Мне нужно, чтобы он прожил три дня, – повторил Ричард. – Вам понятно?

– П-понятно, – запинаясь, закивал Мясник. – С-сделаю всё в-возможное.

– Вряд ли вам понятно, – сказал Ричард вкрадчиво. – Что именно вы сделаете, не так важно. Важно, чтобы через три дня этот человек был жив и вменяем. Это намного важнее, чем, скажем, ваша здесь практика.

Оставив ошеломлённого Мясника в тылу, Ричард Г. Нунан скатился по лестнице в больничный холл и по подъездной дорожке рысцой припустил к своему «Пежо».

– Господин Нунан?

Ричард обернулся и привычно нацепил приветливую улыбку. Как же её, вспоминал он, глядя на бегущую к нему вприпрыжку девчонку. Дочь Гуталина была высоченной и голенастой. И чёрной, под стать отцу. Как же её зовут?.. Фамилия Гуталина Робертс, это Ричард помнил, недаром столько раз штудировал его дело. Но вот девчонка, какое-то странное у неё имя, необычное, что ли, или даже вызывающее.

– Вы помните меня, господин Нунан? – неожиданно низким и хриплым голосом спросила девчонка. – Я Сажа.

Точно, вспомнил Ричард: Гуталин проявил остроумие и дочь назвал Сажей. С матерью у неё ещё что-то случилось нехорошее. Гуталин рассказывал, что именно, но Ричард не помнил. Росла Сажа под присмотром отца. То есть как трава сорная – каков отец, таков и присмотр.

Ричард невольно усовестился: тоже мне высокоморальный обличитель, обругал он себя. Его собственная дочь росла вообще без отца, а Гуталин за своей хоть как-то, но приглядывал.

Сколько же ей сейчас?.. Лет девять, судя по всему. Может, десять. А ростом со взрослого здоровенного мужика и голос, как у пропойцы. Зона, что говорить. Детей сталкеров она не щадила. Этой ещё повезло: девчонка и девчонка, ну пускай длинная и говорит басом, зато без лишних конечностей, и глаза всего два, вон как блестят. Кожа гладкая, лоснится на солнце, и никакой тебе шерсти, как у Мартышки, или ороговелостей, как у сына Гундосого Гереша.

– Конечно, помню, – заверил Сажу Ричард Г. Нунан. – Только что навещал твоего отца, мы, можно сказать, беседовали.

– Господин Нунан, – девчонка подошла совсем близко, Ричард был ей по плечо. – Отец говорил, что когда... – она неожиданно всхлипнула, тонко, совсем по-детски, – когда его не станет, чтобы я обратилась к вам.

Ричард кивнул. Разумеется, подумал он, само собой разумеется. Когда припрёт, обращаются непременно к нему, к всеобщему благодетелю, который не бросает друзей в беде и ни за что не откажет. Детей друзей он тоже не бросает в беде. И вообще принимает человеческие горести близко к сердцу, возможно, поэтому ещё и жив.

– Твой папаша выглядит молодцом, – бодро сказал Ричард. – Мы с ним ещё погуляем, такие, как он, запросто так не помирают, они...

– Он умрёт, – глядя в глаза сверху вниз, пробасила девчонка. – Я знаю.

Ричарда передёрнуло. Знал он. Знал Мясник. Но они тёртые, выдавшие виды люди. Опытные, можно сказать, пожилые, а Мясник по части смерти ещё и профессионал. Этой соплюхе знать, где проходит граница между этим светом и тем, не с чего. Или... Зона, вновь подумал Ричард. Это всё зона. Те, кого она пометила, знают о вещах, с нею связанных. Чувствуют, что ли. А скорее всего, не чувствуют, а на самом деле знают, невесть как, неизвестным человечеству органом, что ли...

– Ладно, – вслух сказал Ричард. – Не волнуйся, я тебя не оставляю. Если отец... – Ричард замялся. – Ну ты понимаешь. Тогда приходи, в тот же день и решим.

Он распахнул водительскую дверцу «Пежо», сделал ручкой и нашарил в кармане «этак». Он не обманывал, не врал этой девчонке: он на самом деле сделает всё от него зависящее, чтобы ей помочь. Так же, как за эти годы помогал многим. Правой дланью, дающей. Временно упрятав левую, карающую, в карман.

Через полчаса Ричард Г. Нунан, морщась от особого, присущего только этому месту запаха, вновь шагнул по тёмному коридору липовой юридической конторы «Корш, Корш и Саймак».

– Целых два часа вас не видел, – умильно морщась, сообщил господин Лемхен. – Присаживайтесь, располагайтесь. Забыли что-то сказать?

Ричард хмыкнул, опустил на стул для посетителей и нахально закинул ногу на ногу.

– Вас, помнится, интересовала «смерть-лампа», шеф? – вопросом на вопрос ответил он. Господин Лемхен поиграл пальцами по столу.

– Интересовала, – признался он. – И что?

– А «рачий глаз»?

– И «глаз». Так что же?

– Да всего лишь то, что «смерть-лампу» покойный сталкер Стефан Норман по кличке Очкарик уступил другому сталкеру, по кличке Гуталин. В покер её, с вашего позволения, про-

играл. А «рачий глаз» Гуталин нашёл сам, равно как и ещё пару тысяч единиц материала. Знаете, как он со всем этим добром поступил?

Господин Лемхен подобрался в кресле, прямоугольное генеральское лицо напряглось.

– Как он поступил?

Ричард выдержал паузу. Сейчас бы подняться и уйти, подумал он. Вот просто встать, развернуться и убраться отсюда прочь, и пускай старая сволочь удавится.

Он не поднялся и не ушёл, и дело тут было не в чувстве долга, чихать он хотел на долг, класть он на него хотел.

– Гуталин захоронил хабар в Зоне, – скучным казённым голосом проговорил Ричард. – Закопал его в разных местах. Захоронки нанёс на карту, каковую карту припрятал и согласился сообщить, где она, исключительно пребывающему ныне в заключении Рэдрику Шухарту по прозвищу Рыжий. Который, по словам Гуталина, единственный, кроме него самого, человек во всём этом богом проклятом городе, хотя и порождение Сатаны, как и все прочие свиньи. Мне Гуталин карту отдать отказался, несмотря на давнюю дружбу. Он...

– Зачем?! – рявкнул, прервав Ричарда, господин Лемхен. – Зачем ему отдавать эту карту кому бы то ни было?

– Не знаю, – Ричард невесело усмехнулся. – Но полагаю, что это его последняя дружеская услуга. Посмертная: Гуталин умирает. И, умирая, находит, как видите, способ выкупить друга из тюрьмы. Гуталин протянет ещё самое большее трое суток. За это время Шухарта необходимо доставить сюда, уговорить забрать карту и вытащить из Зоны хабар. Хотя бы «смерть-лампу», она ведь интересует вас больше прочего?

Господин Лемхен ошарашенно потряс головой.

– Из тюрьмы изъять не так сложно, – пробормотал он. – Но каким образом вы этого Шухарта уговорите?

– Не я, а вы, – Ричард издевательски подмигнул. – Личные отношения со сталкерами в круг моих обязанностей не входят, до сих пор я поддерживал их исключительно для пользы дела. И вообще, с завтрашнего дня я убываю в отпуск, справитесь как-нибудь без меня, незаменимых у нас нет, так ведь? Вам придётся клятвенно Рыжему обещать скостить срок, а скорее всего аннулировать. И деньги. Если вспомните, наш общий знакомец Хью из «Метрополя» некогда обещал за «смерть-лампу» любую сумму, уместяющуюся на листке чековой книжки. Ну Хью сейчас отдыхает по соседству с Шухартом, так что сумма, шеф, пойдёт с вас. А вот поверит ли вам Рыжий, мне неизвестно. Если не поверит, пошлёт вас вместе со «смерть-лампой» и обещаниями куда подальше.

Предательством – вот чем здесь пахнет, думал Ричард Г. Нуан, скатываясь по лестнице на первый этаж. Здесь несёт затхлым, гнилостным, кисло-сладким запахом предательства. Это моя профессия, предательство, я прекрасный специалист, один из лучших, опытный, надёжный ренегат. Три года назад Рэдрик Шухарт вынес из Зоны Золотой шар. Сцапали тогда Рыжего с поличным – он, Ричард, расстарался на славу. Вместе с Хрипатым и Костлявым взяли на передаче этого шара. Рыжему припаяли ещё и убийство, это уже расстарался Стервятник, лучших адвокатов нанял за большие деньги. А шар-то оказался фальшивкой, чуть ли не единственным нефункциональным предметом внеземной культуры. Даже на плацебо не потянул, кусок сплава неведомой технологии, и всё. Сколько народу, гоняясь за ним, погибло. А теперь вот «смерть-лампа», если, конечно, не соврал Гуталин. С него, между прочим, станется, да и пёс с ним, пускай даже соврал и никакой карты у него нет. Его, Ричарда, это уже не касается. Он свои тридцать сребреников давно отработал.

Он уже спустился в холл, миновал сонного швейцара, толкнул даже входную дверь. На пороге остановился, с минуту постоял, щурясь на солнце. Усмехнулся криво и поплёлся наверх. Многолетний, въевшийся в плоть и в кровь навык заброшенного в самое логово противника офицера, ставшее частью его самого свойство всегда доводить начатое до конца, в который раз

взяло верх над разумом, над чувством попранной справедливости, над всем. Ричард Г. Нунан, свой среди чужих, в третий раз за сегодня постучал в дверь до одури знакомого кабинета и, не глядя в глаза, бухнул с порога:

– Ладно, шеф, вяжите меня тёпленького, я согласен. В конце концов, кто, если не я.

*Рэдрик Шухарт, 34 года,
освобождённый под залог заключённый*

– Рыжий, – натужно просипел Гуталин. – Рыжий, у тебя выпить есть?

Рэдрик на секунду замаялся, оглянулся на дверь. Затем решительно извлёк из-за пазухи флягу, отвинтил крышку и поднёс горлышко к губам умирающего. «Опять засосал Гуталин», – не к месту припомнил он.

Гуталин закашлялся, ходуном заходила некогда могучая, а сейчас ставшая впалой грудь, пальцы судорожно вцепились в больничную простыню. Рэдрик, закаменев лицом и до боли сжав кулаки, смотрел на него. Ещё один, с горечью думал он. Очкарик, Пудель, Хлюст, Болячка, Кактус, Слизняк, а теперь Гуталин. Пасынки Зоны, приёмные её сыновья, которых одного за другим она забирала себе.

– Рыжий, – едва слышно выдохнул Гуталин, отдышавшись. – Наклонись ко мне. Ближе, ещё.

Рэдрик нагнулся, едва не коснувшись ухом потрескавшихся, обмётанных белёсым налётом губ.

– Вагонетки на насыпи, – прохрипел Гуталин. – Десять шагов к востоку от головной вагонетки. «Рачий глаз» там, прикопан под камнем. Возьмёшь его, понял?

Рэдрик кивнул. Гуталин сипло, судорожно дышал, обтянувшая лицо серая кожа, казалось, порвётся сейчас на скулах.

– Карта там же, под камнем, – выдавил из себя Гуталин. – Увидишь всё сам. Теперь запоминай. Я из Зоны неделями не вылезал. Жил в ней, жрал в ней и спал. В таких местах бывал, где никто больше. Знаешь, почему Зона меня не брала?

Рэдрик отрицательно помотал головой.

– «Рачий глаз», это всё он. Это как пропуск. Как «свой-чужой». С ним Зона тебя пропускает, с ним она тебя не берёт. Я в «ведьминоме студне» купался, на перине из «жгучего пуха» спал. Так вот, хабар я по «комариным плешам» раскидал, чтоб никому не достался. Но с «рачьим глазом» тебе «плешь» нипочём, руку туда сунешь, и бери. А теперь поклянись, Рыжий, женой своей клянись, дочкой. «Глаз» и «лампу» возьмёшь, это мой за тебя выкуп. И всё. Потому что...

Гуталин не договорил. Он вновь закашлялся, захрипел, выгнулся дугой и враз обмяк. Вцепившиеся в простыню чёрные пальцы разжались.

Рэдрик с минуту постоял молча, затем закрыл Гуталину глаза. Ещё с минуту, катая под скулами желваки, смотрел на него. Повернулся и, не оглядываясь, пошёл на выход.

Ричард Г. Нунан, 54 года, представитель поставщиков электронного оборудования при хармонтском филиале Международного института внеземных культур

Ричард Г. Нунан сидел на кухне напротив Рэдрика, как сиживал не раз и не десять, уpletал сготовленный Гутый салат с моллюсками, один за другим опрокидывал в себя стаканчики с прозрачной жидкостью и вдохновенно мешал полуправду с полуложью.

– Доктор Пильман, – вещал Ричард, для убедительности потрясая в воздухе толстым пальцем, – как узнал, весь институт на уши поставил. Да что там институт – полицию, мэра нашего, дармоеда, всех. «Если, – сказал, – во имя науки надо освободить под залог и загнать в Зону десять тысяч сталкеров, сию же минуту отправляйтесь в тюрьму и чтобы завтра вся эта банда была на свободе. А об одном отдельно взятом и речи нет, будь он хоть самый отпетый».

Так и сказал. Пришлось им это проглотить, Рэд, а куда деться. Нобелевский лауреат велел, не хвост собачачий.

– Это ваша заслуга, Дик, – тихо сказала Гута. – Ваша и Гуталина, лауреат ни при чём. Если бы не вы двое, – она всхлипнула, – если бы не ваши связи и не ваша дружба... Залог тоже вы внесли?

Ричард смущённо зачесал остатки волос за уши, ослабил галстук, достал носовой платок и промокнул лысый лоб.

– Полноте, – сказал он. – Налей, что ли, Рэд. Выпьем за Гуталина, царствие ему небесное.

Они выпили за Гуталина, потом за удачу, потом снова выпили и ещё, и Рэдрик принялся рассказывать про Золотой шар, про то, как он, дурак, просил этот шар, вымаливал у него дармовое счастье для всех. А затем бесшумной тенью на кухню скользнула Мартышка, и Рэдрик осёкся и замолчал, а хищное дерзкое лицо его на мгновение стало жалким. Тогда Ричард, стараясь не отводить взгляда, стал рассказывать об успехах лаборатории Бойда, о том, что там со дня на день ожидают прорыв, что удалось синтезировать вещество, которое способно благоприятно влиять на генетическую структуру, что... Он, азартно жестикулируя, доказывал и опровергал, уверял, что вот-вот, что не сегодня-завтра, и сам уже верил в то, что говорил, и клялся, что свернёт горы. Он и в самом деле готов был свернуть горы ради этой семьи, богом проклятой, ради этого рыжего мерзавца, который называл его другом, и который был ему другом, и которого он вот уже чёртову дюжину лет подставлял, предавал и гноил в тюрьме.

Ричард не заметил, как исчезла из кухни Мартышка, как собрала со стола и ушла Гута, он пришёл в себя, лишь когда Рэдрик с силой саданул по столешнице ребром ладони и сказал:

– Довольно. Говори прямо, Дик: ты думаешь, этим людям можно верить?

Рэдрик Шухарт, 34 года,

освобождённый под залог заключённый

Усевшись на рельс, Рэдрик ждал, когда выползшее из-за горного хребта солнце разгонит туман по обе стороны насыпи. Спешить ему на этот раз было некуда.

С болота по правую руку привычно тянуло тухлятиной. Сгнившие шпалы походили на карие зубы, щерящиеся между параллельными ржавыми губами гигантского рта.

Когда солнце преодолело четверть пути от горизонта к зениту, Рэдрик поднялся. Не спеша выкурил сигарету, наблюдая, как слева обнажается в оседающем тумане остов разбитого вертолёта. Когда отчётливо стал виден расплющенный в блин фюзеляж, Рэдрик затушил окурок и двинулся между рельсов туда, где, не дойдя до сортировочной, навечно застрял в пути состав гружённых породой вагонеток.

Пистолет Артура Барбриджа так и лежал в том месте, где Рэдрик его оставил. Носовой платок, в который был завёрнут пистолет, сгнил, а ствол приржавел к рельсу. Рэдрик нагнулся, рывком отодрал ствол, задумчиво повертел пистолет в руках и запустил в болото. За спиной внезапно протяжно скрипнуло, Рэдрик застыл на месте, сгруппировался и стал медленно оборачиваться. Мгновение спустя облегчённо выдохнул и расслабился – скрипел уцелевший стабилизационный винт угодившего в «комариную плешь» вертолёта.

– Дрянь ты, – вслух обругал «комариную плешь» Рэдрик. – Жаба болотная.

Щурясь на солнце, он понизу насыпи обогнул состав и отсчитал десять шагов к востоку от головной вагонетки. Не без усилий откатил в сторону щербатый валун. Встал на колени, осторожно запустил руку в косо уходящее под землю отверстие. Нашарил на глубине свёрток и медленно, по полдюйма, вытянул его наверх.

«Рачий глаз» был замотан в шёлковую тряпицу. Формой и размерами он походил на расколотую пополам скорлупу от зрелого грецкого ореха. На ощупь он тоже напоминал скорлупу, а цвета был красно-лилового, с прожилками, словно говяжий оковалок. Рэдрик уложил «рачий глаз» на ладони, с полминуты пристально смотрел на него, затем развернул ладонь тыльной

стороной вверх. Глаз не упал, он держался, будто прилип, прикипел к руке, а мгновением спустя вдруг запульсировал и замигал красным, словно аварийный сигнал. Ещё минут пять Рэдрик замороженно смотрел, как этот красный тускнет, превратившись сначала в розовый, затем в кремовый и став, наконец, матово-белым.

– Вот оно что, – пробормотал Рэдрик вслух. – Купаться в «ведьмином студне», говоришь? На перине из «жгучего пуха» спать?

Он поднялся с колен и заозирался по сторонам. Справа, на самом краю мёртвого протухшего болота, прилепился к похожей на острый прыщ кочке лохматый кочан «чёртовой капусты». Рэдрик решительно двинулся к нему, в пяти шагах остановился. Плевков «капусты», если попадал на кожу, обваривал её на совесть, но жизнь не отнимал. Медленно, очень медленно, не сводя с кочана глаз и готовясь принять боль, Рэдрик протянул руку. «Капуста», зашелестев мёртвыми листьями, изготовилась. Рэдрик шагнул ближе, «рачий глаз» на ладони порозовел, но миг спустя стал матовым вновь. Рэдрик шагнул ещё ближе, и шелест вдруг прекратился, листья трепыхнулись раз, другой и опали, «капуста» больше не целилась.

Рэдрик двинулся обратно к насыпи. Перевалил через неё и, на ходу доставая из кармана гайки, заспешил к вертолёту. Обозначать «комариную плешь» было ни к чему, вертолёт её прекрасно обозначал сам. Рэдрик примерился, бросил гайку и удовлетворённо кивнул, когда на полпути та, будто срезанная, ахнула вниз и, пробив фюзеляж, с грохотом ушла под землю. Тогда Рэдрик присел на корточки и стал готовиться.

«Плешь» – это не какой-нибудь там «пух» или «капуста», сказал он себе. «Плешь» – это когда нечего хоронить. От вертолётчика вон ничего не осталось, даже тряпья.

Его сущность, укоренившаяся в нём за годы сущность сталкера, отчаянно сопротивлялась тому, что предстояло сейчас проделать. Вы мне за это ответите, привычно стал копить в себе злость Рэдрик. Я с вас за это спрошу, это вам обойдётся по полной, гады, жабы, голубые каски, мэры, патрульные, перекупщики, сволочи. Я вам этого не прощу, я глотки...

Он осёкся. Никогда он не был себе хозяином, как бы ни старался, ни тщился ни от кого не зависеть. А сейчас в особенности. Он попросту наёмный рабочий, подписавший контракт. Одноразовый. Это они думают, что он будет таскать для них из огня каштаны. А он не будет, хрен им, яйцеголовым, или кто там за ними стоит. «Смерть-лампу» они получают, и всё. Если, конечно, он сумеет её добыть.

Рэдрик поднялся и, хотя ни в бога, ни в чёрта не верил, перекрестился. Шагнул к вертолёту. «Рачий глаз» полыхнул розовым, красным, снова розовым и затих.

– Свой! – заорал Рэдрик. – Слышишь, ты, сука, я свой, на, вот он, мой пропуск, видишь его? Подавься же им, ты, гадина.

Он в три прыжка одолел расстояние до вертолёта и четвёртым, не прекращая орать, вскочил на фюзеляж. И – ничего не произошло, лишь заскрипел под ногами смятый металл.

– Ах ты, – сказал Рэдрик. – Ах ты, поганка.

Он вернулся к насыпи и расстелил на земле карту. Была она вдвое больше той, что снабдил его, отправляя за Золотым шаром, Стервятник. А ещё была она вдвое подробней.

Честняга Лерой, Кудлатый Петер, Каракурт, считывал Рэдрик имена под крестами. Честнягу и Кудлатого он помнил, Каракурта нет. Кто же он был, этот Каракурт, и когда гробанулся? Вспомнить не удалось. Стервятник Младший, прочитал новую надпись под крестом Рэдрик. А вот это ты зря, Гуталин, подумал он, это ты напрасно, дружище. Артур Барбридж падалью не питался, скорее я её жрал, падаль, чем он.

Рэдрик стиснул зубы, утёр со лба пот и вновь принялся рассматривать карту. Никаких троп и проходов на ней обозначено не было, и он теперь знал почему. А были на карте наряду с крестами кружки, и под каждым кружком тоже стояла надпись, и не только слова, но и цифры.

«Батарейки 200. Зуды 75. Чёрные брызги 900. Пустышки 250. Гремучие салфетки 30. Белые вертячки 25. Сучьи погремучки 10».

Под восьмым кружком было написано «Смерть-лампа» и стояла цифра 1. Рэдрик взгляделся, располагался этот кружок рядом с крестом с надписью «Очкарик» и частично на крест налезал. Вернул, значит, Гуталин Очкарику лампу. Вернул, как сумел.

Рэдрик сложил карту, упаковал в брезент и упрятал свёрток под землю. Накатил сверху валун и широкими шагами пошёл к каменной осыпи, под которой лежал Очкарик.

Никакой это был не пикник, думал Рэдрик, отмахивая рукой в такт шагам. И не контакт это был, и не вторжение. Дрались они здесь, вот что это такое. Жабы-полицейские из неведомого мира гнались за беглыми каторжанами и здесь их настигли. Они наверняка были тёртыми парнями, эти каторжане, и жизни свои продали не задёшево. «Пустышки», «погремушки», «вертячки» – попросту то, что осталось от их оружия. «Полная пустышка» – явный же магазин к автомату, а пустая – тот же магазин, но израсходованный. Как же они называли оружие, стреляющее «чёрными брызгами»? А питающееся от энергии батареек-«этаков»? А подавляющее психику, как «зуда»?

Они все легли здесь, эти каторжники, преступники, отщепенцы, а возможно, и сталкеры. Но даже мёртвые, они оставили кое-что. У него сейчас прилеплен к ладони пропуск, тот, что равняет его с погибшими, ставит с ними на одну доску.

Рэдрик остановился. Затем поклонился на четыре стороны.

– Свой, – сказал он вслух. – Я понял. Я – свой. И Гуталин был свой, и, даже когда у нас не было никаких пропусков, вы ни мою, ни его жизнь не взяли.

Карл Цмыг, 28 лет, предприниматель

Карл Цмыг стоял у подножия пика Раундер, у самой границы Зоны, и в бинокль разглядывал неспешно переваливающую через вершину холма человеческую фигуру. Давненько никого в Хармонте не встречали с такой помпой, как возвращающегося из Зоны Рыжего. От голубых касок, щеголеватых костюмов и попугайских расцветок мундиров у Карла рябило в глазах. Интересно, сколько из них спали с моей женой, саркастически думал он, глядя в лица. Что ж, жаловаться он не станет – кого берёт в жёны, он знал. Деньги не пахнут, а измены он переживёт. Зато в Зону ходить не надо, как Гундосому Герешу или вон Рыжему.

– Карл, друг мой!

Карл обернулся. Ричард Г. Нунан, кругленький, розовый, улыбающийся, спешил к нему, проворно протискиваясь через толпу. За собой он тащил за руку эдакую черномазую дылду, настоящую великаншу с детскими и наивными чертами лица. Карл взгляделся, где-то он определённо видел эту чёрную девку, или связано с ней было нечто такое...

– Позволь представить тебе Сажу, – выбрался, наконец, из толпы Ричард. С Карлом он был одного роста и на голову ниже черномазой спутницы. – Она дочь нашего покойного друга.

Карл коротко поклонился. Вот оно что, мысленно присвистнул он. Дочь Гуталина, конечно же. Однако сколько же ей тогда лет? Карл мазнул взглядом по долговязой фигуре, по круглому, с пухлыми губами лицу. Совсем ещё девочка, понял он.

– Здравствуйте, господин Цмыг.

Карл вздрогнул. Девочка произносила слова сиплым басом, будто спившийся бывалый бродяга.

– Карл, дружище, – Ричард вытолкнул девчонку вперёд. – Сажа круглая сирота. Я, знаешь ли, вчера был в банке, положил на её имя некую сумму и заморозил до её совершеннолетия. Пускай на капитал нарастают проценты. А пока не найдётся ли для неё какое-нибудь занятие?

– Надо подумать, – с сомнением почесал в затылке Карл. – Что вы умеете, молодая леди?

– Всё, – пробасила черномазая леди. – Всё, что захотите. Прибираться по дому, смешивать напитки, бегать, драться, стрелять.

– Понял, – сказал Карл весело. – Не волнуйся, Дик, с такими умениями она точно не пропадёт. Ты, надеюсь, будешь у нас сегодня на вечеринке?

– Разумеется. Когда это вечеринки обходились без меня?

– Действительно, – согласился Карл. – Тогда приводи её вечером. Поживёт пока у меня.

Занятие я ей найду.

Ричард заулыбался, похлопал по плечу, напомнил про память покойного, заверил, что всегда к услугам, что в девочке он принимает участие, а потому благодарен безмерно, вновь похлопал, напомнил, заверил, приподнял шляпу и, пятась, убрался.

– Карлик!

Карл обернулся. Дина протиснулась сквозь толпу, прижалась грудью.

– Как ты смотришь, если мы пригласим на вечеринку Рыжего? – спросила она.

– Ты сбрендила! – Карл едва не поперхнулся воздухом. – Он прикончил твоего брата.

Дина пожала плечами.

– То ~~быль~~ём поросло, – небрежно бросила она. – Почему бы нам его не позвать? Он герой дня, да и вообщем герой. Давай, когда вся эта мишура закончится, ты его пригласишь.

Карл скривился. До женитьбы и его считали героем, юнцы и девицы в барах восхищённо глядели на него, слушали его трепотню, боясь пропустить хоть слово. Внезапно Карл почувствовал, что завидует Рыжему, что на месте Рыжего мог бы быть он. Независимый, гордый, никому ничем не обязанный.

– Рыжий не пойдёт, – сказал Карл. – Я могу его позвать, но он не пойдёт, в нём есть стержень, а значит, есть и гордость.

– Пойдёт, Карлик, пойдёт, – улыбнулась Дина. – Тут не в гордости дело. Или ты, может быть, ревнуешь?

Карл сплюнул, локтем отстранил жену и двинулся к возглавляемой мэром группе встречающих.

Рэдрик Шухарт, 34 года,

освобождённый под залог заключённый

Упакованную в холщовый мешок «смерть-лампу» Рэдрик нёс на плече. На лампу была она не похожа, а похожа была на корявый, тронутый плесенью старый гриб с потрескавшейся пластинчатой шляпкой.

Шаг за шагом Рэдрик приближался к ожидающей его толпе. И с каждым шагом всё больше краснел и чаще пульсировал «рачий глаз». На секунду это озадачило Рэдрика, потом он понял. Там, за границей Зоны, стояли чужие. Много чужих, очень много, все.

Когда он выбрался на обычную землю, «рачий глаз» из красного стал багровым. Рэдрик плохо помнил, что было дальше. Поздравления и рукопожатия, лозунги и речи, постные рожи, нажратые морды и самодовольные хари. Жабы, твердил про себя Рэдрик, уклоняясь от рукопожатий и похлопываний по плечу. Гниды, вот вы кто.

– Мистер Шухарт?

Рэдрик, стяхнув с предплечья чью-то потную руку, обернулся. К нему приближался низкорослый, с могучими плечищами и свёрнутым на сторону боксёрским носом наголо бритый парень.

– Чего надо? – грубо ответил Рэдрик, пытаясь вспомнить, где видел этого парня и кто он такой.

– Карлик Цмыг, – представился низкорослый здоровяк и протянул руку. – Тут вот какое дело, мистер Шухарт.

Рэдрик собрался было послать этого кабана недобитого с его мистерами куда подальше, потому что никаких дел с ним иметь не желал, но внезапно напоролся взглядом на собственную ладонь. «Рачий глаз» стремительно тускнел, бледнел и через пару секунд стал матовым. Перед Рэдриком стоял «свой».

Рэдрик протянул руку, затем шагнул вперёд и обнялся с низкорослым.

– Карлик, – сказал он, – можешь называть меня Рыжим. Какое у тебя ко мне дело?

Ричард Г. Нунан, 54 года, представитель поставщиков электронного оборудования при хармонтском филиале Международного института внеземных культур

Ричард потерял счёт опорожнённым бокалам, стопкам и рюмкам. Вечеринка была в разгаре, и то, что за окнами шикарного, доставшегося Дине после смерти отца особняка уже начало светать, явно никого не смущало.

– А я тебя ищу, Дик, – услышал Ричард весёлый голос Рэдрика за спиной. – Я отсюда сбегая, ну их всех с их танцульками к чертям. У меня дома выпивка ничуть не хуже, зато не надо отбиваться от вешающихся на шею дамочек. Пойдём? Гута сготовит твой любимый салат с моллюсками. Посидим, да и потолковать надо насчёт того, что делать дальше.

Ричард согласно кивнул. Потолковать и в самом деле было необходимо, и чем скорее, тем лучше. Ему предстоит уговорить Рыжего вытащить из Зоны схороненный Гуталином хабар. Но не спешить с этим: хабар в Зонах на исходе, цены сейчас резко пойдут вверх. Надо составить план, как, когда и что выносить. При умелом подходе Рэд через пару лет станет миллионером. К тому времени и медики, глядишь, что-нибудь придумают, будет чем платить хирургам за операции. Ричард невольно хмыкнул и в который раз удивился, что заботится о Рыжем, словно о себе самом. Особенно удивительным было то, что заботится искренне.

– Спускайся вниз, Дик, – улыбнулся Рэдрик. – Я попрошаюсь с Карликом и тебя догоню.

Ричард скатился по парадной лестнице на первый этаж, принял у дворецкого шляпу и выбрался в сад. Было ещё темно, с верхнего этажа гремела музыка, в десяти шагах от парадного крыльца долговязый расхристанный тип, согнувшись, блевал на элитный розовый куст.

Заложив руки за спину, Ричард посеменял по садовой дорожке к воротам. Прежде всего, надо заручиться согласием Гуты. Вдвоём они рыжего дурака уговорят. Клятву он давал, видите ли, кто сейчас соблюдает клятвы. К тому же покойнику. К тому же неизвестно, успел ли Рыжий поклясться, говорит, что и сам не уверен. Ладно, так или иначе...

– Дик, – прервал размышления голос Рыжего.

Ричард обернулся. Рэдрик размашисто шагал по садовой дорожке к нему, но внезапно остановился, словно споткнувшись, и замер. Ричард сморгнул. Дружеская улыбка слетела у Рыжего с лица, опустив глаза, тот едва ли не с ужасом разглядывал ладонь левой руки.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил Ричард. – Выпил лишнего?

Рэдрик не ответил, и Ричард почувствовал, что секунду назад случилось нечто страшное, непоправимое, и это непоправимое сейчас обрушится на него. Он осторожно отступил назад, лихорадочно пытаясь сообразить, что же произошло, и сообразить ему не удавалось.

– А ведь это ты, Дик, – медленно сказал Рэдрик.

Из ладони его полыхнуло кроваво-алым, словно заработал аварийный фонарь.

– Что «я»?

Рэдрик шагнул вперёд. Хищное конопатое лицо его закаменело.

– В тот день, когда меня сцапали в «Боржче» вместе с Эрни. Утром Костлявый спросил, с кем я встречался у «Метрополя» до того, как идти к нему. Я не ответил, но встречался я в то утро с тобой. И про шар знали только Стервятник и ты. И теперь. Это ведь ты организовал всё дело? Мне и раньше намекали, что закладывать, кроме тебя, некому. А Эрни однажды напрямую сказал, в камере, и я, дурак, с ходу влепил ему по роже.

Ричард молчал, он не в силах был выговорить ни слова. Смерть в упор смотрела на него глазами человека, который называл его другом. И которого он называл другом, да и считал другом, несмотря ни на что.

– Тебе нечего сказать, Дик?

Ричард сглотнул. Как тогда, в Сингапуре, мелькнула запоздалая мысль. Мордой об стол, затылком об стену. Но тогда у него был револьвер, тогда спецагенты ещё носили оружие. Но не

сейчас. Не пристало ему, с его старательно наработанным имиджем безобидного мальчика на побегушках, который со всеми в прекрасных отношениях и у всех на хорошем счету, таскать с собой ствол. И поэтому сейчас Рыжий попросту убьёт его. Удавит голыми руками.

– Т-ты хватил л-лишнего, Рэд? – запинаясь, выдавил из себя Ричард Г. Нунан. – М-мы ведь с тобой друзья, спроси Г-гуту, спроси кого хочешь, любой т-тебе скажет.

Рэдрик молчал. Долго, очень долго. Потом сказал:

– Мне не надо никого спрашивать, у меня есть советчик, который врать не станет. Ступай, Дик...

– Что? – выдохнул Ричард. – Что ты сказал?

– Ступай. Я отпускаю тебя. Убирайся из города, ты здесь чужой. Ну! Пошёл вон!

Ричард попытался. Повернулся и, ещё не веря, что ему только что подарили жизнь, побежал по садовой дорожке к воротам. Вылетел на бульвар, со всех ног припустил к своему «Пежо». Рухнул на водительское сиденье, трясущимися руками нашарил в кармане «этак», с силой вогнал его в приёмное гнездо и дал по газам.

Свой, чужой, беспорядочно думал он. Свой-чужой. Свой Чужой. Свой. Чужой.

Ежи Квятковски, 14 лет,

учащийся общеобразовательной средней школы

Мистер Барнс, отсвечивая лысиной и поскрипывая мелом, выводил на доске очередную формулу. Ученики прилежно марали бумагу в тетрадах. Ежи, подперев кулаком подбородок, бездумно глядел в окно. Парты вокруг него пустовали: сесть по соседству с хармонтским эмигрантом желающих не нашлось.

Ежи оторвал взгляд от унылого зимнего пейзажа за окном и оглядел затылки одноклассников. Вонючки, привычно подумал он, чистюли слюнявые. Перевёл взгляд на учителя, хмыкнул, с треском выдрал чистый лист из тетради, скомкал и забросил в рот. С минуту ожесточённо жевал, затем выплюнул в ладонь, примерился и запустил мистери Барнсу в затылок.

– Квятковски! – Учитель развернулся от доски к классу, круглое свиное лицо его побагровело, очки съехали на кончик носа.

– Да, сэр.

– Вон отсюда!

Ежи презрительно скривил губы, небрежно поднялся, закинул на плечо ранец и, припадая на левую, короткую, ногу, двинулся на выход. Одноклассники старательно отводили взгляды, связываться с Ежи Квятковски было чревато.

– Соблаговолите, – голос учителя стал елейным, – поставить в известность отца. Я давно хочу с ним побеседовать насчёт вас.

Ежи плечом толкнул входную дверь. Обернулся на пороге.

– Поставлю, поставлю, – ухмыльнувшись, сказал он. – Отца. Только вряд ли вы станете с ним беседовать. Мы ведь заразные. Или всё же рискнёте?

Мистер Барнс не ответил. Ежи с грохотом захлопнул за собой дверь и похромал по школьному коридору. Невесело усмехнулся, глядя на мемориальную доску, украшающую школьный музей физики. Пять лет назад, будучи в Алингдейле проездом, школу посетил нобелевский лауреат, светило мировой науки доктор Валентин Пильман. Доктор был настолько любезен, что прочитал старшеклассникам лекцию о так называемых артефактах, предметах внеземной цивилизации из хармонтской зоны посещения. Особого интереса лекция не вызвала, старшеклассники, не стесняясь, позёвывали в кулаки. Когда они, наконец, разошлись, оставшийся с нобелевским лауреатом тет-а-тет Ежи Квятковски заявил, что «гидромагнитная ловушка, объект 77-Б», в простонародье называемая «пустышкой», вполне может оказаться, по его мнению, пулёмным диском. В том случае, конечно, если предположить, что стреляет пулём эдаким жидким наполнителем. Лауреат стянул с носа очки, протёр чёрные подслеповатые глаза и осве-

домился, сколько уважаемому собеседнику лет. Затем лауреат уселся за кафедру и предложил Ежи высказать мнение об «объектах К-23», именуемых ещё «чёрными брызгами». Ежи не стал скрывать, что «брызги» ему лично весьма напоминают пули. Беседа затянулась до восьми вечера, и, покидая школу, доктор Пильман просил директора держать его в курсе об успехах молодого человека девяти лет от роду. Тот, изнывая от угодливости, заверил, что всенепременно.

Ежи миновал музей и двинулся к лестничной клетке. На полпути остановился, извлёк из внутреннего кармана тужурки заточенный гвоздь и старательно вывел на стене нецензурное ругательство. Осмотрел буквы, остался доволен, размашисто нацарапал тем же гвоздём подпись. Пинком своротил прилепившийся к торцевой стене лестничной площадки питьевой фонтанчик и съехал по перилам на первый этаж. Вышел на крыльцо, по обледеневшей тропе пересёк школьный двор и выбрался за ограду.

Занесённая снегом арлингдейльская улица была пустынна. На севере она обрывалась, упираясь в железнодорожную насыпь, на юге ветвилась – под прямыми углами отстреливала побег переулков и устремлялась дальше, в жилую, зажиточную часть города.

Дорога к дому Квятковски шла через насыпь. Когда-то за насыпью был район, где селилась городская голытьба. В прошлом жильё там стоило дёшево, дешевле, чем где бы то ни было в провинциальном Арлингдейле: район традиционно пользовался дурной славой. Теперь жильё не стоило ничего – можно было занять любую одноэтажную, обшарпанную халупу и жировать в ней, не платя никаких налогов. Желающих жировать, однако, не находилось вот уже третий год.

Ежи неспешно дохромал до насыпи, переждал, пока пройдёт эlegantный пассажирский экспресс, поразмышлял, стоит ли запустить в него камнем, решил воздержаться и с последним гудком стал взбираться.

По ту сторону насыпи его ждали. Стивен Кертис, десятиклассник, которого Ежи отлупил на прошлой неделе, дружок Кертиса Рассел Нот, которому досталось на позапрошлой, и ещё двое. Ежи взгляделся, и липкая волна страха, родившись в районе желудка, поднялась по груди и омыла сердце. Братья Джиронелли, кряжистые, бородатые, отсидевшие в тюрьме за грабёж. Поговаривали, что братья связаны с серьёзными людьми, поэтому и отделались двухгодичными сроками там, где другие мотали бы лет по шесть. Руки оба брата прятали за спины, и нетрудно было догадаться, что припасли в кулаках сюрпризы.

Ежи застыл на рельсах. Убежать не дадут, да и не особо побегаешь, когда левая нога на три четверти дюйма короче правой. Ежи криво усмехнулся, перешагнул рельс, сбросил ранец прямо на покрытый грязно-белёсым снегом склон насыпи и боком начал спускаться. Внизу остановился, сунул руку за пазуху, выдернул из кармана заточку.

Он успел, извернувшись, полоснуть младшего Джиронелли по предплечью, рукав щегольской спортивной куртки враз покраснел. Больше Ежи не успел ничего: бейсбольной битой у него вышибли из ладони заточку, потом, пока держался на ногах, лупили кулаками в лицо. Затем он упал и ещё пару минут катался по ставшему из белёсого красным снегом, закрываясь руками от безжалостных ударов ботинками по лицу. Сознание он потерял, лишь когда подбитым стальными скобами каблуком вlepили сзади в затылок.

Ежи не знал, сколько времени пролежал без чувств. Когда он пришёл в себя, было ещё светло. Он не помнил, как добрался до дома. Боль ярилась, бесновалась в нём. Раскалывалась голова, и каждое движение отзывалось прострелом в сломанных рёбрах. Шатаясь и падая, захлёбываясь кровью, сочащейся из разбитых, ставших беззубыми дёсен, Ежи тащился мимо брошенных нежилых лачуг, тащился долго, мучительно и, когда, наконец, добрался, рухнул на крыльцо лицом вниз и вновь отпустил сознание прочь.

Очнулся он уже вечером, в кровати, едва не заорал от боли, но сдержался, медленно, по дюйму, поднял руку и принялся себя ощупывать. Голова была забинтована, грудь натуго

перехвачена корсетом, левый глаз горел под наложенной на него повязкой. Ежи откинул одеяло и попытался спустить на пол ноги, но взрывной болевой прострел этому намерению воспрепятствовал. Тогда Ежи медленно, опасливо повернулся на бок и прислушался – с кухни доносились родительские голоса.

– С меня достаточно! – нервно, истерично кричала мама. – Достаточно, ты понимаешь?!

Отец в ответ неразборчиво загудел, затем раздался звон битой посуды, а за ним звуки плача – громкого, отчаянного, навзрыд. А потом грохнула входная дверь, и сочный, грудной голос Яника перекрыл плач. Полминуты спустя брат шагнул через порог спальни, прикрыл за собой дощатую щелястую дверь. Свечной огарок в его руке бросал неверные тряские сполохи на скуластое, дерзкое, с резкими чертами и глубоко посаженными серыми глазами лицо.

– Больно? – негромко спросил Ян.

Ежи не ответил. Тогда Ян в два широких шага покрыл расстояние от порога до кровати и опустился на край. Огарок в его мозолистом, заскорузлом, со сбитыми костяшками боксёрском кулаке казался беспомощным ростком, выпущенным чудовищных размеров картофелиной.

– Кто это сделал? – нарочито спокойно спросил Ян.

Ежи вновь не ответил.

– Я спросил, кто это сделал, – повторил Ян ещё спокойней, чем прежде.

Ежи стиснул челюсти.

– Это моё дело, – с трудом выталкивая слова, сказал он. – Личное, я сам с ними разберусь.

Он мог бы поклясться, что мгновение спустя серые холодные глаза брата полыхнули яростью.

– Ошибаешься, – увесисто сказал Ян. – Это дело семейное. Итак: кто?

Ян Квятковски, 21 год, без определённых занятий

Ссутулившись и натянув до бровей лыжную шапочку, Ян протопал по тёмному извили-стому переулку и выбрался на главную улицу. Арлингдейл засыпал, огни в окнах уже большей частью погасли, и неоновые лампы на вывесках и витринах горели сейчас вполнакала.

Держась подальше от тусклого света уличного фонаря, Ян одну за другой выкурил три сигареты. Затем, не отрывая взгляда от переливающейся четырьмя цветами нарядной вывески с надписью «Парадиз», пересёк улицу. Стриптиз-бар был единственным заведением в городе, где можно было найти выпивку, травку или девочку в любое время суток.

Втянувшись в тёмный узкий проход между домами, Ян присел на корточки и, привалившись спиной к стене, стал ждать. Мама правильно сказала тогда – с неё достаточно. С них всех достаточно. Пять лет непрерывной, безостановочной травли из-за кретинских суеверий, по сути, ни за что. Надо убираться отсюда, из этого тихого, некогда казавшегося уютным и родным провинциального городка. Однако, прежде чем убраться, необходимо получить по счетам. Город задолжал Зденеку Квятковски, его жене и сыновьям. Задолжал с тех пор, как десять лет назад семья переселилась сюда, поддавшись на уговоры въедливого проныры из Бюро эмиграции. Как же его звали, этого прилизанного, вкрадчивого типа с бегающими глазками... Ян не помнил.

Десять лет назад Зденек Квятковски продал дом в Хармонте, оставшийся ему от отца, польского эмигранта, успевшего удрать от европейской коричневой чумы. Кто ж знал, что цены на недвижимость в непосредственной близости от Зоны вскорости взлетят до небес. Знал, со злостью подумал Ян, тот прилизанный тип из Бюро эмиграции или откуда он там, знал наверняка. Эти подонки сделали тогда на хармонтском жилищном буме миллионы.

Вырученных за дом денег и пособия, которое Бюро «щедро» предоставляло желающим переселиться, Зденеку хватило на покупку бензоколонки с автомастерской в оживлённом месте – на перекрёстке Арлингдейлской окружной с муниципальным хайвэем. Осталось ещё на уплату первого взноса за просторную и солнечную квартиру в центре города.

Первые годы отец с матерью надрывали жилы и выбивались из сил, чтобы поднять сыновей. Зденек Квятковски не вылезал из мастерской, Тереза – из посудомоечной в придорожной пиццерии. Ян после школы дотемна горбатился, помогая отцу на заправке, и даже малолетний Ежи умудрялся подрабатывать разносчиком пиццы.

Через пару лет дела пошли на лад. Мастерская обросла клиентурой и стала приносить постоянный доход. Муниципальный хайвэй расширили, что заметно увеличило оборот на бензоколонке. Тереза теперь сидела на кассе в небольшом, торгующем всякой автомобильной всячиной семейном магазинчике при мастерской. Ян выиграл юношеский чемпионат города по боксу среди полутяжей, сразу вслед за ним взял серебро в первенстве штата, и тренеры стали прочить ему блестящую карьеру. Тихого, вежливого и улыбочивого Ежи учителя начальной школы усердно ставили одноклассникам в пример. Он запоем читал, самостоятельно штудировал учебники физики для старших классов и неизменно выигрывал шахматные турниры. В отличие от задиристого, спуску никому не дававшего старшего брата, Ежи Квятковски считался лучшим и одним из самых перспективных учеников в школе.

Так продолжалось до тех пор, пока по городу не поползли слухи, один другого несуразнее и нелепее. Началось с автомобильных аварий: какой-то умник подсчитал, что девять из десяти столкнувшихся, слетевших с трассы в кювет или снёсших придорожное дерево автомобилей заправлялись в последний раз на бензоколонке Зденека Квятковски. В арлингдейлской вечёрке опубликовали статью, в которой напрямую об этом говорилось. Сразу вслед за статьёй угробился на гололёдной дороге местный священник, за полчаса до аварии забравший отремонтированный «рено» у Зденека из мастерской. Тем же вечером за святым отцом в рай проследовал начальник полиции, которому Зденек с утра поменял масло. А ещё через неделю, час спустя после того как покинул заправку, проломил ограду и рухнул с моста автобус с бейсбольной командой.

Зденек Квятковски подал на редактора вечёрки в суд и добился опровержения. Положение дел оно не спасло. На Арлингдейл и его горожан одно за другим обрушились несчастья. Люди стали выпадать внезапно из окон, ломать конечности, в разы увеличилась смертность от инфарктов, инсультов и раковых опухолей. Сотню жизней унесла эпидемия гриппа. Едва она закончилась, с востока налетел невиданной силы ураган, вслед за ним пришло землетрясение. Снежная лавина похоронила под собой горнолыжную базу со всем персоналом и тремя десятками туристов. В довершение всего, в городе объявился сексуальный маньяк-растлитель, за которым безуспешно охотились до сих пор.

Нашлись новые умники, засевающие за статистические расчёты и вскоре выпустившие сенсационный бюллетень. В поразившей город цепи несчастий обвинялись три семьи хармонтских эмигрантов, на этот раз не огульно и навскидку, а с цифрами и выкладками. На двухстах пятидесяти снабжённых таблицами, диаграммами и графиками страницах доказывалось, что жертвами катаклизмов стали люди, так или иначе с эмигрантами связанные или пересекавшиеся. Бюллетень был подобен разорвавшейся бомбе – в городе началась охота на ведьм.

Зденеку Квятковски официально предложили убраться, грозя в случае несогласия большими и малыми неприятностями. И те и другие начались, едва Зденек убраться отказался. Из квартиры семью Квятковски выжили после того, как банк востребовал назад ссуду на жильё. Мастерскую пришлось закрыть – ремонтировать автомобили у Квятковски местные жители отказывались даже забесплатно. Неделю спустя судьбу мастерской разделил магазин. Лишь бензоколонка теперь позволяла перебравшейся в убогий квартал за железнодорожной насыпью семье кое-как сводить концы с концами.

Вскоре, впрочем, квартал опустел: соседствовать с «прокаженными» не желали даже самые отпетые городские подонки: воры, хулиганы, профессиональные безработные, попрошайки и нищоброды.

Ежи стал всё чаще возвращаться домой с расквашенным носом или подбитым глазом. Пару раз в школу разбираться являлся Ян, и на время избиения прекращались, потом вспыхивали по новой.

– Дерись, – жёстко сказал брату Ян. – Не жди, пока придётся давать сдачи, нападай первым, всегда. Только так можно заставить с собой считаться.

Тихий и вежливый книжный мальчик Ежи совету внял. Физика и шахматы были заброшены. Изнуряя себя многочасовыми ежедневными тренировками, завершающимися спарринг-боями с братом, за три года из первого ученика Ежи превратился в наглого и дерзкого хулигана, терроризирующего всю школу, включая директора и учителей.

Яну один за другим отказали колледжи, куда он пробовал подать документы. Теперь вкалывал он на железнодорожной станции по двенадцать часов в сутки, в одиночку разгружая вагоны.

Однажды, когда Ян возвращался с разгрузки за полночь, наперерез ему из-за приземистого здания железнодорожного депо вышли трое. Отделались они лёгкими травмами, в полную силу Ян не бил. Подступаться к нему после этого случая перестали: выяснилось, что мрачный, себе на уме эмигрант за пазухой носит кастет и, если что, не остановится ни перед чем.

Серия катаклизмов закончилась внезапно, как и началась, но, памятуя о прошлом опыте, горожане по-прежнему бойкотировали единственную оставшуюся в Арлингдейле эмигрантскую семью. Тем не менее вернуться в Хармонт Зденек Квятковски отказался категорически, и долгое время Ян был с ним согласен. До тех пор, пока в дружной и крепкой семье не начались скандалы и ссоры.

– Я не хочу, чтобы мои сыновья стали сталкерами и загнулись в Зоне, – с грохотом крушил кулаком ветхий, занозистый кухонный стол Зденек. – Не будет этого!

– Лучше, чтобы мы все загнулись от голода здесь? – кричала на мужа Тереза. – Что ты заладил: сталкерами да сталкерами? Неужели в Хармонте не осталось другой работы?

Зденек угрюмо отмалчивался, ссоры затихали на день-другой лишь для того, чтобы возродиться с новой силой.

– Мама права, – сказал однажды отцу Ян. – Надо убираться отсюда. Ежи уже, считай, взрослый, на жизнь мы заработаем.

Зденек обругал Яна, но на следующий день тот повторил свои слова вновь. И на следующий. И через два дня.

– Ладно, – сдался, наконец, отец. – Как только Ежи окончит школу, мы вернёмся. В Хармонте шанса доучиться у него не будет...

От гнева Ян стиснул челюсти. Теперь шансов доучиться у Ежи нет в любом случае. Счастье, если брат не останется инвалидом. Эти гады отказались даже положить его в больницу на обследование. А полицейский сержант в участке, ухмыляясь, отказался от расследования.

– Мало ли в городе драк, – сказал он с издёвкой. – Сегодня одного побьют, завтра другого отлупят. Если из-за каждой потасовки мы будем сажать молодёжь в тюрьму, в городе скоро никого не останется...

«Крайслер» братьев Тони и Роберто Джиронелли подкатил к бару за пять минут до полуночи. Ян выудил из-за пазухи кастет, продел пальцы в свинцовые кольца. Тони Джиронелли вылез из машины, помог, придержав дверцу, выбраться двум покрашенным блондинкам. Роберто сдал назад и припарковал «крайслер» к тротуару.

Едва Роберто притушил фары, Ян вскочил. Вывалился из прохода между домами. Опустив голову и шатаясь, словно пьяный, поплёлся к бару.

– Эй, приятель, – со смехом окликнула его одна из блондинок. – Где это ты так нагрузился?

Ян рванулся. В три прыжка поравнялся с компанией и с маху всадил кастетом Роберто Джиронелли в переносицу. Развернулся, ногой в живот достал Тони и, когда тот согнулся от боли, ввалил сложенными в замок руками в затылок.

Истошно завизжали девицы. Ян подскочил к лежащему навзничь Роберто, обутой в рабочий ботинок ногой своротил ему челюсть. Подпрыгнул и обеими ногами сокрушил рёбра. Метнулся к пытающемуся удрать на четвереньках Тони, ухватил за шиворот, вздёрнул. Дверь бара распахнулась, оттуда на крыльцо вырвались посетители. Ян, развернув Тони к себе, заехал ему коленом в пах, всадил ребром ладони в кадык, приподнял враз обмякшее, ставшее безвольным тело и швырнул навстречу набегающей из бара толпе. Развернулся и, отмахивая прыжками, побежал прочь. Минут десять Ян петлял по арлингдейлским ночным переулкам, затем, убедившись, что его не преследуют, сбавил шаг.

Четверть часа спустя Ян забрался в угнанный накануне старый, выдавший виды пикап. Ещё через двадцать минут пикап притормозил возле двухэтажного особняка Кертисов. Ян на ощупь нашарил под сиденьем бутылку, до краёв наполненную бензином. Была бутылка заткнута плотной промасленной паклей, из которой тянулась волокнистая нить фитиля. Ян выбрался из машины, чиркнул зажигалкой, поджёг фитиль, дождался, когда язычок пламени подберётся вплотную к пакле, и с размаху метнул бутылку в окно первого этажа. Прыгнул за руль и дал по газам. Ещё через полчаса вторая бутылка полетела в окно бакалейной лавки, которую держал отец Рассела Нота.

Ян взглянул на часы и выругался вслух – времени на прощание с родителями и братом не оставалось. Ничего, они поймут. К трём утра Ян, провожаемый доносящимся из города воем полицейских сирен, вывел пикап на окружную. Промчался до пересечения с хайвэем, притормозил. Бросил последний взгляд на так и не выручившую семью Квятковски бензоколонку. Вырулил на трассу и, пока не рассвело, безостановочно гнал на восток. Затем съехал с хайвэя на грунтовку, через полмили загнал пикап в лес, вылез и скорым шагом двинулся обратно к дороге. В пять утра его подобрал дальнобойщик, водитель овощной фуры. С ним Ян проехал на восток сотню миль, рассчитался пачкой сигарет и сменил фуру на рефрижератор. К вечеру он был уже в пятистах милях от Арлингдейла.

– Как добраться отсюда до Хармонта, приятель? – осведомился Ян у владельца кругло-суточного придорожного ресторанчика.

Выслушал ответ, поблагодарил, попросил разрешения переночевать в подсобке. Утром наколот хозяину дров и помог разгрузить продуктовый фургончик. Получил вместо платы омлет с ветчиной, крекерами и апельсиновым соком, на скорую руку проглотил и поднялся, собираясь прощаться. В следующее мгновение Ян застыл, услышав голос телевизионного диктора из программы экстренных новостей.

– Новая серия преступлений совершена вчера в Арлингдейле, – скороговоркой трещал диктор. – Четыре человека доставлены в городскую больницу с ожогами различной степени тяжести. Ожоги получены в результате пожара, возникшего в доме пострадавших, в окно которого неизвестный ночью бросил бомбу с зажигательной смесью. Ещё двое, братья Роберто и Антонио Джиронелли, госпитализированы после жестокого избиения, совершённого неизвестным за час до начала пожара. На операционном столе Антонио скончался, за жизнь Роберто сейчас борются врачи. В обоих преступлениях подозревается некто Ян Квятковски, исчезнувший из города той же ночью.

Пару секунд Ян изучал сменившую физиономию диктора фотографию. Была она пятилетней давности: рефери на ринге поднимал радостному победителю руку в боксёрской перчатке. Ян хмыкнул и бросил беглый взгляд в прилепившееся к стене у входа зеркало. Узнать в заросшем щетиной, лохматом и неопрятном бродяге того короткостриженого паренька с атласной кожей и ясным открытым взглядом было нелегко.

Ян попрощался и, выбравшись на хайвэй, поднял руку.

Карл Цмыг, 29 лет, предприниматель

Закинув ноги на стол и пуская в потолок кольца сигаретного дыма, Карл Цмыг принимал посетителей. Было посетителей двое, и выглядели оба так, что в приличном обществе показаться рядом с ними было бы зазорно. Карл, однако, условностями пренебрегал: мало ли как человек выглядит, главное то, что у него внутри и может ли он быть полезен для дела. Прощельга Мартен и Киприот Сатырос для дела годились. Карл знал обоих издавна, ещё с тех пор, как все трое, тогда ещё никому не известные наглые молокососы, вынесли из Зоны свой первый хабар.

С тех пор, однако, многое изменилось. Киприот отсидел два года в камере, Прощельга умудрился от тюрьмы отвертеться, но оба, как были нищими выпивохами, завсегдатаями расплодившихся в последнее время баров и пабов, так и остались. Карлу удалось подняться на несколько ступеней выше. Отношения между ними тремя, впрочем, мало изменились и остались приятельскими – снобизм и барство Карлу были несвойственны.

– Давайте уже, предьявляйте, – насмешливо сказал Карл. – Если, конечно, есть что предьявлять.

Прощельга Мартен высморкался в кулак, утёр ладонь о штаны и потащил из-за пазухи брезентовый мешок с хабаром.

– Тут вот какое дело, Карлик, – пробормотал он. – Хабара нынче кот нагадил, сам знаешь. Но кое о чём мы хотим тебе рассказать.

– О чём же? – Карл небрежно высыпал содержимое мешка на стол.

«Пустьшка», три «чёрных брызги», два «браслета» и «зуда». И всё. После того как полгода назад из города внезапно исчез Ричард Г. Нунан, поток хабара из Зоны принимал Карл. А точнее, ручеёк, норовивший вот-вот иссякнуть. Чем занимался в Хармонте пропавший Ричард, Карл догадывался. А потом и уверился, когда через неделю после того как Нунан исчез, Карлу нанёс визит некий Лемхен, похожий на одряхлевшего бойцового бульдога, изрядно потрепанного в собачьих боях. Этот Лемхен битый час юлил, перхал, откашливался, утирал носовым платком слезящиеся собачьи глаза, а потом взял и выдал, что Ричард был, можно сказать, его другом. И не просто другом, а эдаким, с позволения сказать, работягой, которому Лемхен платил за труды. И что в сферу деятельности Ричарда входил контроль за утекающим из Зоны хабаром, о чём Карл, впрочем, и сам догадывался без всякого Лемхена. И что теперь контролировать хабар некому, но человек в авторитете в этом деле непременно нужен и даже необходим.

Карл справился с искушением послать визитёра, откуда пришёл, и предложил изложить в деталях. Бульдогообразный Лемхен в детали, однако, вдаваться не стал, а вновь битый час юлил, перхал и откашливался. После чего заявил, что Карлу лучше бы согласиться сотрудничать, тем более что ничем ему это сотрудничество не грозит, а вот отказ может обернуться всякими неприятными неожиданностями. К этому времени Карл уже смекнул, что к чему. Он кликнул Сажу и велел подать её фирменный кофе, который та варила на углях – по-африкански, с запахом дыма и едва уловимым горьковатым привкусом золы. Затем Карл откупорил бутылочку коньяку, старого, выдержанного, оставшегося ещё от покойного Барбриджа. Под кофе с коньяком побеседовали предметно. В результате Карл согласился замкнуть контакты Ричарда на себя и хабаром делиться сообразно здравому смыслу, на основе взаимовыгоды сторон. В знак благодарности Лемхен брал на себя урегулирование и утряску возможных неприятностей с властями. Он также обещал всяческое содействие в начинаниях, намекал на некую особую организацию, заинтересованную в инициативных и верных людях, и, наконец, убрался.

Пару следующих месяцев Карл занимался замкнувшимися на него контактами. Первым делом он уволил к чертям Мосла, бестолкового управляющего, которого Ричард, по всей видимости, держал для прикрытия. Карл в прикрытии не нуждался и на место Мосла поставил как

раз к тому времени освободившегося из тюрьмы Носатого Бен-Галлеви. С людьми Носатый ладить умел, был, как подобает еврею, оборотист и деловит, правда, насколько Карл подозревал, путался за его спиной с Диной. Впрочем, на фривольный нрав супруги он давно уже махнул рукой. В особенности после того, как та поклялась, что Артур рождён от законного мужа, а Мясник, повозившись с анализами, отцовство Карла подтвердил.

– Карлик, ты что, не слушаешь? – вклинился в воспоминания гортанный голос Киприота Сатыроса.

– Извини, отвлёкся, – Карл выудил из бокового кармана перетянутую резинкой пачку зелёных. Отсчитал полтора десятка купюр, толкнул по полированной столешнице по направлению к визитёрам. – Так о чём вы хотели мне рассказать?

– Премного благодарны, – Прощельга Мартен смёл купюры со стола, свернул трубочкой и упрятал за пазуху. – Ты западный склон пика Боулдер хорошо помнишь?

Карл наморщил лоб. На склонах пика Боулдер он бывал добрых пять, а то и шесть лет назад. Когда ещё сталкерствовал и, рискуя в любой момент отдать богу душу, по этим склонам ползал. Бывало, на четвереньках ползал, а бывало, и по-пластунски. Северная окраина зоны, хабара там всегда было мало, но тем не менее находили... Он, помнится, нашёл там «белую вертячку», товар редкостный и недешёвый. Или то было на другом склоне, на восточном?..

– Успел подзабыть, – признался Карл. – Так что с ним, со склоном?

– С ним ничего, – кучерявый и смуглый Киприот скривил толстые губы. – А вот под ним... На, взгляни, – Киприот извлёк из бокового кармана и протянул Карлу фотографию. – Позавчера щёлкнули, против солнца нерезко вышло, но разобрать можно.

Карл вгляделся. Сначала было ничего не понять: земля и земля, серая, голая, потрескавшаяся, кое-где вздувающаяся корявыми нарывами-валунами.

– В левом нижнем углу, – помог Прощельга Мартен. – Видишь?

Карл увидел. Бурую неровную кляксу, похожую на раздавленную морскую звезду. И что-то пёстрое в углу у обреза, на самом краю этой кляксы. Карл вопросительно поднял на Прощельгу Мартена взгляд.

– Гробанулся кто-то, – объяснил Прощельга. – Совсем недавно, ещё три недели назад этого не было.

– Мир праху, – сказал Карл спокойно. – И что с того?

– На, взгляни, – Киприот протянул вторую фотографию. – Это сразу за его тряпьём, того, гробанувшегося, в кадр не влезло.

Карл присвистнул.

– Похоже на «Золотой шар», – сказал он. – Откуда он там? Или это что же, другой?

«Золотой шар» вынес из Зоны Рыжий Шухарт. В одиночку вынес, подцепив к гелиевому баллону. Поговаривали, что оказался «шар» нефункционален, хотя легенды о нём ходили всякие. Якобы исполнял «шар» желания. Согласно одним версиям, любые и чьи угодно, согласно другим – только самые сокровенные и только для избранных. «Шар» в лабораториях разобрали чуть ли не на куски – Карл пробежал глазами институтские доклады и рефераты. Никаких особых свойств у «шара» обнаружить не удалось. Болванка и болванка, изготовленная, правда, из неизвестного на Земле сплава. Приезжала даже компания экстрасенсов из Гарварда, которые по очереди и хором принялись пытаться «шар» идиотскими тестами. Помнится, Носатый рассказывал анекдот в тему. Что якобы пожелал один телепат переспать с Мартой Блонди, секс-бомбой, приехавшей в Хармонт сниматься в эротическом боевике. Тем же вечером в баре телепат к Марте подкатился и давай внушать, как будет обхаживать её ночью в койке. А та, дескать, ему в ответ, мысленно, разумеется: «Ну ты и мудака».

– Это и есть «Золотой шар», – понизив зачем-то голос, сообщил Прощельга Мартен. – А откуда он там, кто его знает. Может, из-под земли. Может, рождает их Зона или растит как грибы. А перед ним, как и перед тем, первым, – «мясорубка». Вот и накрылся сопляк, который

туда полез. Там расщелина, Карлик, зайти можно только с юга, вот здесь, – Прощельга ткнул в фотографию нечистым пальцем с обкусанным ногтем. – Функционален или нефункционален, пускай профессора разбираются. Но загнать его можно за большие деньги. И вообще, может, тот, первый, и был нефункционален, а этот наоборот. В Зоне со многим хабаром так, сам знаешь. Одна «пустышка» пустая, другая полная, от одной «зуды» у псов бешенство, другая им до Полярной звезды. В общем, так, смотри: до границы Зоны оттуда рукой подать. Мили полторы по прямой, не больше. Если сделать с умом, то...

Прощельга Мартен замолчал.

Карл задумчиво побарабанил пальцами по столу. Сделать с умом означало, что «мясорубке» нужно принести жертву, тогда проход, который она охраняет, на время откроется. Брат его жены Артур, в честь которого они с Диной называли сына, такой жертвой как раз и стал. Ладно, кое в чём Дина права: те дела быльём поросли, нечего о них думать.

– Карлик, – сказал Киприот Сатырос проникновенно, – медлить нельзя. Мало ли рядом с Зоной отирается ловкачей. Пускай все они никуда не годятся, но наткнуться на «шар» может любой щенок. Один вон уже наткнулся. А если их будет несколько... Сам прикинь, одного «мясорубка» перемелет, а остальные за милую душу «шар» и уташат.

Карл нахмурился. Очевидные вещи Киприот мог бы и не излагать.

– Ладно, – сказал Карл негромко. – Есть у меня на примете один. Из свежих. Только он...

Карл замылся. Этого «свежего» неделю назад приводил Носатый, говорил, что работать тот готов за гроши. Карл отказался: парень сразу ему не понравился. Медведь здоровенный, кулачищи дай бог каждому, а глаза убийцы. Носатый так и говорил, что за парнем, вероятно, покойничек, а может статься, и не один. Взять такого в дело – прекрасный способ нажать неприятности: пойдешь угадай, что тому взбредёт завтра в башку. А вот как отмычка такой сгодится. С его кончиной человечество точно много не потеряет. Как же его зовут, славянское какое-то у парня имя, русское или чешское, что ли... Скорее, польское, вспомнил Карл секунду спустя.

– Что «он»? – напомнил Прощельга Мартен.

– Да ничего. Вы там с ним поосторожнее, на всякий случай. Тот ещё кандидат.

– Не волнуйся, Карлик, – ослабил Киприот Сатырос. – Как его найти?

– Парня зовут Яном, живёт где-то в трущобах. В общем, спросите Носатого, тот его живо разыщет.

Выпроводив посетителей, Карл налил себе на два пальца коньяку. Не спеша, мелкими глотками осушил рюмку. Жить в грязи и не замараться не получится, это он знал давно, ещё с тех пор как ползал по Зоне сталкером. Ни у кого не получалось, и он никакое не исключение.

Карл поднялся, выбрался из кабинета в коридор и двинулся в детскую. Двухгодовалый Артур самозабвенно играл с Сажей в индейцев. Судя по разгрому, индейцами учинённому, в детской сошлись в кровавом поединке племён эдак шесть.

– Дом только не спалите, – сказал Карл беззлобно.

Артур не отреагировал, он был занят снятием скальпа со здоровенной лохматой куклы. Сажа сделала страшные глаза, погляделась в зеркало и прыснула: зрелище действительно было выдающееся. Карл непроизвольно заулыбался. Сажу он взял на должность помощницы кухарки, но уже через неделю повысил до домработницы, а ещё через месяц произвёл в няньки. Теперь Карл частенько подумывал, что через пару лет девчонка вполне может занять место его личного телохранителя. В свои десять с небольшим Сажа могла дать фору взрослому по части бега на короткие дистанции, борьбы, бокса и владения огнестрельным оружием. На вечеринках подвыпивших гостей она уносила из танцевального зала на закорках, самолично раздевала и укладывала проспать. Она же подавала Карлу по утрам кофе в постель, а по вечерам смешивала ему коктейли. Она же, бывало, выпроваживала нежелательных и особо настырных посе-

тителей. И она же самозабвенно играла в куклы: наряжая их, выстраивая по ранжиру и заставляя флиртовать с воображаемыми кавалерами.

Артур в Саже души не чаял. Как, впрочем, и Карл: он частенько подумывал о том, что Сажа – лучшее приобретение, которое он когда-либо мог сделать.

– Как дела, девочка? – продолжая улыбаться, спросил Карл.

Сажа сделала книксен.

– Прекрасно, Карлик, – сиплым басом сообщила она. – Спасибо, что спросил, Карлик. Ты, Карлик, можешь идти.

Оба расхохотались.

– Ладно, пойду, – Карл подмигнул и взялся за ручку входной двери.

– Постой, – внезапно попросила Сажа и стала вдруг очень серьёзной. – Поиграй пока без меня, Арчи, – велела она. – Карлик, нам надо поговорить.

– Что такое? – удивился Карл. До сих пор по собственной инициативе Сажа желания поговорить не проявляла.

– Пойдём, спустимся в сад.

В саду на поляне с рододендронами загорала обнажённая Дина. Роды несколько не испортили её точёную, едва ли не идеальную фигуру с тонкой талией, плоским, смуглым от загара животом и высокой грудью.

Сажа метнула в сторону Дины сердитый взгляд и широченными шагами двинулась к бассейну. Карл едва за ней поспевал. Не утруждаясь раздеванием, Сажа оттолкнулась от бортика и сиганула в бассейн головой вниз. В своём пёстром, полупрозрачном цветастом платье Сажа стремительно пронеслось под водой, словно экзотическая хищная рыба. У дальнего бортика она вынырнула и немедленно ушла под воду вновь. Карл, присев на корточки, терпеливо ждал.

– Что скажешь? – спросил он, когда голова Сажи, наконец, появилась на поверхности.

– Карлик, – Сажа зажмурилась, – только не говори, что это не моё дело, ладно? Я сама знаю, что не моё.

– Хорошо, – согласился Карл, – не буду говорить, что же дальше?

– Твоя жена шлюха, – безапелляционно заявила Сажа и добавила пару выражений, которые сделали бы честь сталкеру, только что чудом выбравшемуся живым из Зоны.

Карл крикнул, помотал головой, затем, сбросив с себя рубаху и джинсы, солдатиком прыгнул в бассейн. Отфыркался, встал на цыпочки и, балансируя руками, чтобы удержать равновесие, снизу вверх посмотрел девчонке в глаза. Вода едва доставала Саже до ключиц, и Карл подумал, что, если бы не запрещающий всякую эмиграцию закон, из неё могла бы выйти мирового класса спортсменка. Баскетболистка, например. Да что там «могла бы» – десятка два-три тренировок, и Сажа начала бы бить рекорды.

– Тебе это безразлично? – не дождавшись ответа, спросила Сажа. – Что твою жену трахает каждый, кто пожелает, стоит только поманить. И это даже особо не скрывается.

Карл невесело усмехнулся.

– Ну, допустим, не каждый, кто пожелает, – сказал он. – Но, по большому счёту, да, безразлично. Я привык. И знаешь что: тебе всё-таки рано рассуждать о таких вещах.

– Брось, Карлик, – Сажа шлёпнула ладонью по воде, подняв фонтан брызг. – Ты не хуже меня знаешь, что во многих вещах я давно стала взрослой женщиной. Как там сказал этот, очкастый: «благоприятная мутация» – да? «Гипертрофированное развитие, хотя и неравномерное», всё такое... Ну что ты хмуришься? Я ни с кем пока не спала и не собираюсь. Да и охотников переспать со мной что-то не видать. Не в этом дело: такая жена – позор для тебя. Даже мне стыдно, когда я вижу, как на неё пялятся твои друзья. Ты не можешь с ней развестись?

– Не могу. Хорошо, пусть будет «пока не могу». Это связано с деньгами, ты не поймёшь.

– Мне и не надо понимать. Если не можешь развестись, её надо грохнуть.

– Что? – опешил Карл. – Что надо?

– Грох-нуть, – по складам повторила Сажа. – За-мо-чить, так ясней? Хочешь, я для тебя это сделаю?

Карл ошарашенно молчал. Хорошо хоть, она решила для начала посоветоваться, огорчённо подумал он. «Гипертрофированное неравномерное развитие», надо же, в самом-то деле.

– Нет, – мягко сказал Карл, когда пришёл, наконец, в себя. – Не хочу. И ещё кое-что: я не хочу больше слышать об этом... – Он запнулся и вдруг добавил само собой пришедшее на ум слово: – Дочка.

Круглое чёрное лицо Сажи исказилось. Ресницы затрепетали, из глаз брызнули слёзы и потекли по щекам.

Управляющий ждал Карла в холле. Мясистая, лупоглазая продувная рожа Носатого Бен-Галлеви при появлении хозяина приняла почтительное выражение. Горбатый и вислый, едва не достающий до верхней губы нос вполлица зашмыгал от избытка чувств, а взгляд маслянистых, навывкате глаз утратил обычное пройдошистое выражение и стал деловитым и сосредоточенным.

В обязанности управляющего входил ежедневный отчёт. В финансах бывший сталкер и отмотавший трёхлетний срок за сталкерство уголовник понимал толк. Под руководством Носатого десятки малобюджетных предприятий, которыми Карл Цмыг на паях с женой владел или во владении которыми участвовал, стали приносить ощутимый доход. За полгода Носатый совершил на этих предприятиях чуть ли не экономическую революцию. Вороватые менеджеры и директора получили отставку, их места заняли другие, честолюбивые и относительно честные. В ресторанах появились новые повара, в мастерских – новые механики и слесари, в борделях – новые девочки. А главное, появились люди, на которых можно было опереться. Выдвиженцы Носатого Бен-Галлеви, менеджеры и мастера, шеф-повара и метрдотели, журналисты и телевизионщики, диспетчеры такси и мадам в весёлых домах ежедневно закладывали и упрочивали фундамент будущего финансового монстра, хармонтской империи Карла Цмыга. Впрочем, никто из них пока об этом не подозревал, включая самого Карла и его управляющего.

– Что нового? – осведомился Карл, пожимая Носатому Бен-Галлеви руку.

– Двенадцать пунктов, Карлик, – скороговоркой зачастил Носатый. – Значит, так: в «Жемчужине» была вчера потасовка, многие получили по соплям, в результате все загремели в кутузку. Там были два наших человека, я распорядился – завтра их выпустят под залог. Залог с тебя.

Карлик кивнул. Мелочей для Носатого не существовало: в дополнение к талантам организатора тот имел ещё и феноменальную память. Следующие полчаса ушли на ознакомление с двенадцатью пунктами. Подробности управляющий помнил наизусть и хранил в памяти ещё долгое время после того, как с инцидентами бывало покончено.

– Есть ещё и пункт номер тринадцать, – поведал Носатый, отчитавшись. – Фактически, это даже не пункт, а так, сплетни. В общем, я это приготовил на закуску, Карлик. Поговаривают, что в Зоне многое изменилось за последние дни.

– Да? – заинтересовался Карл. – Что именно?

– Так сразу даже и не поймёшь, – почесал переносицу управляющий. – Но ходят слухи, что стало как-то не так. Ничего определённого, и всё же... Давай, Карлик, я на этом заострюсь, как полагаешь? Подключу ребят, пускай поотираются по всяким вертепам. Барменов пускай спрашивают, официантов. Девочек тоже: у выпившего что на уме, то и на языке, а в койке особенно.

– Ладно, – согласился Карл, – подключай, кого считаешь нужным. Премияльные, скажи, гарантирую. Что-то ещё?

Носатый ответил, что у него всё, и сгинул, а Карл выбрался из особняка наружу и с полчаса в задумчивости расхаживал по садовым тропинкам и аллеям. Информация косвенно под-

тверждала ту, что сегодня он получил от Прощельги и Киприота, а накануне – от Гундосого Гереша. Зона, облазанная сталкерами и обползанная, истоцившаяся и оскудевшая, затихшая и вроде бы затаившаяся, начала пробуждаться к жизни. Так, будто несколько лет копила силы, сжимала и сжимала пружину, а сейчас эта пружина, сжатая уже до отказа, готовилась сработать.

Ян Квятковски, 21 год, без определённых занятий

До подножия пика Боулдер добрались затемно. Кучерявый и смуглый тип, который велел называть себя Киприотом, медленно съехал с дороги в редколесье, минут пять пропетлял между сосновыми стволами и, наконец, заглушил мотор. Втроем с другим типом, с хрящева-тым носом и щегольскими усиками над тонкой линией губ, они закидали джип-внедорожник палыми ветками. Звали усатого типа Прощельгой, и походило на то, что сущность его про-звищу соответствовала.

На дорогу из редколесья выбрались, когда утренние сумерки уже ослабели, и на востоке горные вершины вызолотило солнцем.

С минуту Ян стоял, привыкая к необычному и невиданному доселе зрелищу. Зона про-шла через хребет, склоны оставшихся за внешней её границей холмов были лесистыми, а вер-шины покрыты снегом. Те же горы, что оказались по внутреннюю сторону границы, были голыми и бесснежными.

– Что уставился? – неприязненно спросил Прощельга. – Пошли, времени в обрез.

Ян смолчал и послушно двинулся вслед за напарниками. Оба активно ему не нравились. Выбирать, однако, не приходилось: самостоятельно отправиться в Зону – верная смерть, так говорили все, с кем Ян пытался это обсудить. Впрочем, было похоже на то, что собеседники о Зоне тоже знали лишь с чужих слов, но сути это не меняло. На связанные с Зоной темы местные жители готовы были рассуждать, не умолкая. Назывались имена сталкеров, вызывающие у рас-сказчиков и слушателей благоговение и душевный трепет, словно речь шла, по крайней мере, о небесном воинстве. Обсуждалось, кто, где и когда гробанулся, и отчего с ним такая непри-ятность случилась. В конце концов Ян обращать внимание на досужие разговоры перестал, но в то, что в Зону лучше в одиночку не соваться, поверил. В Хармонте он прожил два месяца, ночуя на чердаках ветхих трущоб, по сравнению с которыми их арлингдейлское жилище могло смело считаться дворцом. Чтобы не умереть с голоду, подряжался на подсобные обществен-ные работы за гроши. Больше ничего пришлому человеку без документов, от которых Ян, едва покинул Арлингдейл, избавился, не предлагали. Беседы с потенциальными работодателями успеха не принесли, так что, когда носатый и лупоглазый хитрован предложил свести с опыт-ными напарниками, Ян согласился не думая.

– Это эффект такой, – объяснил, обернувшись на ходу, Киприот. – Зона, парень. В ней вечный июль, понимаешь? Войдём, сам увидишь. Снаружи холод или дожди, да хоть ураган или тайфун, а как переступишь черту, попадёшь в лето.

– Угу, – подтвердил Прощельга. – В убийственное. Есть такой детектив, «Убийственное лето» называется, не читал?

Ян отрицательно покачал головой, поправил лямки от рюкзака на плечах и двинулся дальше. Рюкзак со снаряжением, громоздкий и тяжеленный, напарники навьючили на него. Ян не возражал: оба были хиловаты, в особенности по сравнению с ним. Что за снаряжение было в рюкзаке и для чего оно нужно, Ян не знал, а лишние вопросы задавать не хотелось.

Светало. Похрустывал под ногами ломкий мартовский ледок, зябко подрагивали на ветру голые безлиственные ветви одиноких берёз. С оставшейся за спиной дороги изредка долетал шум от проехавшего автомобиля.

– Привал, – скомандовал Киприот, когда солнце робко выглянуло из-за вершины восточ-ного хребта. – Теперь можно не торопиться, время есть, здесь никто нас искать не станет.

– Почему? – любопытствовал Ян. – Почему не станет?

– Зона рядом, – объяснил Киприот. – Периферийный участок. Без особой нужды сюда ни полиция, ни патрули не суются. Да и наш брат, сталкер, тоже. Места здесь всегда были скудные, хабару на них с гулькин хрен.

– Как это с гулькин хрен? – переспросил Ян. – Какого чёрта тогда мы сюда пришли?

– А тебе что же, – вкрадчиво спросил Прощельга, – надо сразу и много?

– Желательно.

Напарники переглянулись.

– Ты для начала целым вернись, – проворчал Прощельга, – вот вернёшься целым, и тогда рассуждай. Много вас таких, молокососов. Тоже мне, сталкер, в бога душу мать.

Ян секунду-другую смотрел на него в упор. Затем пожал плечами и скинул на землю рюкзак. Киприот развязал тесьму, выудил изнутри пакет с бутербродами и термос.

– Ты вот что, парень, – сказал он миролюбиво. – Норов показывать здесь не стоит. В Зоне его показывать будешь. На первый раз так: слушаться беспрекословно. Ты ещё ни черта не знаешь и, как там будет, не ведаешь. А там, парень, костлявая на каждом шагу. Притаилась и ждёт. Поэтому, если скажут тебе стоять на месте, стой, пускай даже тряпьё на тебе уже загорелось. А скажут ложись – падай на землю и лежи, пусть даже тебя там на сковородке поджаривают. Понял – нет?

Ян кивнул. Затея всё больше и больше ему не нравилась. И не потому, что этот Киприот разговаривал с ним как с неразумным юнцом. А потому что... Ян попытался определить почему, и долгое время у него не получалось.

– Так за каким дьяволом всё-таки мы идём? – спросил он, управившись с бутербродом и осушив бумажный стаканчик с кофе.

Напарники вновь переглянулись.

– Есть там одна штука, – нехотя ответил Киприот. – Взять только трудно. Вот за ней и идём, а больше тебе и знать пока ни к чему.

Ян сморгнул. Он понял, почему ему не пришлось по душе напарники. Не умом – чем-то другим понял, шестым, может быть, седьмым чувством. Оба разговаривали с ним не как с зелёным несмышлёнышем, а скорее... Ян почувствовал, как струйка пота, родившись в затылке, прочертила по спине кривую и иссякла между лопатками. Как с покойником, понял он. Которому растолковывать что-то – только время терять.

Волевым усилием Ян подавил желание немедленно бежать отсюда прочь. Нервы, подумал он. Правильно говорили: перед Зоной люди становятся нервными, особенно неопытные, некоторых на истерику пробивает. Ян глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Получилось плохо. Тогда Ян потянулся к рюкзаку и демонстративно заглянул вовнутрь.

– Что это? – спросил он, ткнув пальцем в решётчатую металлическую конструкцию, расправившую рюкзак понизу.

– Экий ты любопытный, – укоризненно ответил Прощельга. – Устройство это. Тележка с приводом, мы на ней ту штуковину, за которой идём, вывозить будем.

– Она что же, тяжёлая?

– Да не то чтобы, – Прощельга скомкал бутербродную обёртку. – Вдвоём можно управиться... – он осёкся, выругался невнятно и буркнул: – Ладно, довольно разговоров, идти пора.

– Как скажешь.

Ян затянул на рюкзаке тесьму и поднялся на ноги. Вдвоём, значит, подумал он, ну-ну. Вдвоём эту штуку, по всей видимости, можно поднять, а там и вытащить на тележке. Третий для этого не нужен. Особенно такой третий, как он, – неопытный новичок. Что ж...

Ян заставил себя мобилизоваться. Нервы ни при чём, для чего-то понадобился он этим двоим, для чего-то скверного, сомнений в том практически не осталось. А раз так...

– Ватник снимай, – прервал размышления Киприот. – Там ватники ни к чему, – пояснил он. – Жарко будет, в общем, скоро увидишь сам.

Ян послушно стянул с себя старую заскорузлую спецовку, выданную ещё в Арлингдейле, на железнодорожной станции, где он работал на разгрузке вагонов. Напарники освободились от тёплой одежды вслед за ним. Ян сглотнул, разглядев на поясе у Киприота пистолетную кобуру.

«В Зоне стрелять не в кого», – вспомнил он единодушно мнение хармонтских обывателей.

– Пошли, – буркнул Киприот. – За мной держитесь.

Ян ступил за ним вслед. Сосредоточился, изгоняя из себя страх и заменяя его на злость. Давайте попробуйте, суки, твердил про себя Ян. Возьмите меня. Я вам, гниды, так попробую, что и попробовать заречётесь, надолго заречётесь, и детям своим закажете.

– Стоп, – скомандовал Киприот. – Вот она, Зона.

Ян замер на месте, вгляделся в проходящую в десяти шагах невидимую черту. Зона чётко обозначала себя. До черты земля была жирная, неровная, во впадинах и рытвинах блестел тонкий ледок. За чертой никакого ледка не было, а была там трава, жухлая, сухая, пучками лезущая из потрескавшейся земли, словно клочья шерсти из старой облезлой шкуры.

– Теперь слушай внимательно, – сказал Киприот, поманив Яна пальцем. – Я иду первым, ты за мной, след в след, Прощельга замыкает. Первая цель – вон тот старый сарай, видишь его? Да не туда, не туда смотришь, вон он.

Киприот перекрестился и переступил через невидимую черту. Ян секунду помедлил и шагнул за ним вслед. Ничего не случилось. Зона приняла его, сухая трава под ногами едва слышно захрустела, сминаясь. Киприот медленно, неспешно зашагал вперёд, передвигаясь с опаской, будто согласовывал сам с собой каждый шаг.

Начало припекать, спина под рюкзаком у Яна быстро вспотела, и он пожалел, что вместе с ватником расстался и с лыжной шапочкой, и теперь нечем прикрыть от лучей макушку.

В молчании они преодолели первую сотню футов, и Ян почувствовал, как напряжение отпускает его. Ничего страшного пока что в Зоне не обнаружилось, и путь до одинокого скособоченного сарая, прилепившегося к подножию невысокого островерхого холма, казался простым и совершенно безопасным.

– Стоп! – внезапно выкрикнул за спиной Прощельга. – Справа!

Ян замер, медленно повернул вправо голову и ничего не увидел.

– Спокойно, спокойно, – гугниво забормотал Киприот. – Не нервничайте и, главное, не шевелитесь, оно, может, само пройдёт.

Шевелиться Ян не стал. Прищурившись, он, наконец, разглядел тонкие, едва различимые на солнце перламутровые нити, тянущиеся из земли вверх и футах в трёх над ней сплетающиеся в некое подобие кружева.

– Ложись! – истошно заорал Прощельга.

В тот же миг перламутровое кружево сверкнуло на солнце и разразилось молнией.

Ян рухнул лицом вниз, рюкзак пребольно наподдал по спине. Грома почему-то не было, молния оказалась беззвучной. Секунд пять Ян пролежал, зарывшись лицом в землю, затем приподнял голову. Кружево перемещалось: скользило параллельно их курсу, раскачиваясь, то и дело заваливаясь набок и распрямляясь вновь. Ещё одна молния резанула воздух, за ней другая, третья, а потом кружево стало тускнеть, истончаться и минуту спустя вовсе сошло на нет.

Киприот поднялся на ноги, отряхнул колени. Прощельга, с дёргающейся от тика щекой, достал из-за пазухи флягу, трясущейся рукой запрокинул её и присосался к горлышку.

– «Весёлый призрак», – сказал Киприот мрачно. – Раньше никогда их здесь не бывало.

До сарая добрались, когда солнце уже подползло к зениту. В двадцати шагах от разошедшейся, накренившейся к земле сарайной стены Киприот объявил привал.

– Долго ещё? – спросил Ян, с наслаждением избавляясь от рюкзака.

– Да нет, – ответил Киприот небрежно. – Почти пришли.

Ян выругался про себя. Он едва не забыл об опасности, исходящей вовсе не от Зоны, а от этих двоих, и потому неминуемой и гораздо более реальной. Зона, несмотря на проделки «весёлого призрака», особого впечатления пока что на него не произвела.

Пока допивали кофе и расправлялись с уцелевшими с утра бутербродами, солнце перевалило через зенит.

– Значит, так, – сказал Киприот. – Вон тот холм видишь, с верхушкой, смахивающей на лысую башку? Это пик Боулдер, перед нами его северный склон. Поднимаемся на полторы сотни футов, ориентир – вон та каменная гряда. Вдоль гряды смещаемся на запад, там будет расщелина чуть ниже по склону. Огибаем расщелину с юга, то, что нам нужно, лежит в ней. Забираем и уходим. Всё ясно? Двигаемся тем же порядком. Пошли.

До опоясывающей склон каменной гряды добрались за час с небольшим. Отдышались и двинулись дальше. Солнце оказалось теперь прямо по ходу и слепило глаза. Яну приходилось щуриться, чтобы различить, куда ставить ногу.

– Стоп, – негромко скомандовал Киприот. – Пришли. Рюкзак снимай.

Ян скинул рюкзак. Подобрался. То, что должно было произойти, случится здесь и сейчас, и необходимо понять, что именно, прежде чем понимать что-либо станет слишком поздно.

Прощельга приблизился и стоял сейчас в пяти шагах за спиной, шумно дыша и отплёвываясь. Ян оглянулся вполоборота – Прощельга дрожащими руками подносил к губам флягу. Нервничает, что ж, его можно понять, Ян тоже нервничал бы на его месте. Впрочем, на месте Прощельги он вряд ли бы оказался.

– Смотри, – вытянул руку с выпяченным указательным пальцем Киприот. – Вот туда, ниже по склону.

Ян посмотрел. Шагах в тридцати валялось на земле что-то яркое и пёстрое, совершенно неуместное среди однообразного серо-песочного пейзажа. Приложив руку козырьком ко лбу, Ян сфокусировал зрение. Пёстрое пятно походило на небрежно брошенную на землю цветастую тряпку, прикрывающую что-то, от чего расползлись по сторонам грязно-бурые потёки, корявые, скукоженные, будто щупальца издохшего осьминога. Ян поднял взгляд – воздух над пятном был не обычный и повсеместный, прозрачный, как ему, воздуху, и положено, а густой, дрожащий мутным неверным маревом. А за ним, за этим маревом, в разрезавшей землю узкой расщелине с рваными краями виднелось что-то совсем уже странное, отливающее на солнце красноватой медью. Было оно округлым и даже на таком расстоянии приятным для глаза и манящим, словно тихая спокойная гавань в бурном враждебном море.

– Спускаешься, – звенящим от напряжения голосом говорил между тем Киприот. – Тряпьё огибаешь справа, вход в расщелину сразу за ним. Мы движемся за тобой следом. Понял? Пошёл!

Ян глубоко вдохнул. Там, внизу, была смерть, он видел это ясно, отчётливо. И зачем-то этим гадам понадобилось, чтобы смерть принял он. Так же, как принял её тот тип до него, от которого осталась только прикрывающая мёртвое тело куча тряпья да кровоподтёки по сторонам.

Ян шагнул вправо, вновь скосил взгляд назад. Прощельга справился с фляжкой и стоял сейчас, упрятав руку за пазуху. У него там ствол, понял Ян, но вместо страха испытал лишь злость, тугую, отчаянную, готовую обернуться гневом и излиться яростью.

– Понял, – сказал Ян, волевым усилием злость в себе удержав. – Я понял. Первым спускаешься ты.

– Что? – ошеломлённо переспросил Киприот. – Что ты сказал?

– Ты не расслышал? – Злость вырвалась наружу, глаза у Яна налились кровью. – Первым спускаешься ты! – заорал он, больше не сдерживаясь. – Понял, гнида?! Пошёл! Ну!

Киприот качнулся влево и схватился за кобуру. Ян, оттолкнувшись от земли, бросился на него.левой снизу ввалил в подбородок, правой заехал в живот и развернулся к Прощельге, дрожащими руками наводившему револьвер.

Ян метнулся по склону вверх, навстречу польхнул выстрел, и боль ожгла, опалила плечо. Вторично Прощельга выстрелить уже не успел: Ян бросился ему в ноги, подсёк, револьвер вылетел у Прощельги из ладони и зазвенел по камням. Ян перехватил падающее тело, перебросил Прощельгу через себя, вскочил и, вложив всю силу, что была в нём, нанёс страшный прямой в лицо.

Прощельга, распластав руки, рухнул навзничь и покотился по склону прямо туда, в мутное марево над кучей тряпья. И марево, загустев, подхватило его, оторвало от земли и медленно, с натугой, скрутило. От истошного жуткого крика Ян на секунду оглох, а потом крик оборвался, и стало слышно, как с треском ломаются кости. Тогда Ян оторвал от мертвеца взгляд, подобрал с камней револьвер и шагнул к Киприоту.

Тот был без сознания, кровь толчками била из разбитого рта и стекала вниз по щеке. Ян наклонился, расстегнул кобуру, вытянул из неё «беретту», сунул за пазуху. Выпрямился, рывком разодрал на левом плече рубаху, осмотрел рану, осторожно её ощупал. Больно было невероятно, но рука подвижность не потеряла, из чего Ян заключил, что рана сквозная. Тогда он отодрал от рубахи рукав, скрутил и, помогая себе зубами, натуго перетянул плечо. Присел на корточки, ухватил за грудки принявшегося возиться на камнях Киприота. Рывком вздёрнул и усадил, удерживая за ворот.

– Жить хочешь? – спросил Ян спокойно.

Киприот судорожно закивал.

– Тогда рассказывай.

Дрожащим от страха голосом, запинаясь и то и дело сплёвывая кровь, Киприот принялся рассказывать. Про «мясорубку», про «Золотой шар», про желания, которые тот якобы исполняет, про цену, за которую можно этот «шар» загнать.

– Понятно, – медленно сказал Ян, когда Киприот закончил. – А меня, значит, вы решили скормить «мясорубке»?

– Послушай, парень, – Киприот справился со страхом, голос его перестал дрожать. – На твоём месте мог быть любой другой. Ничего личного, понимаешь? Жизнь такая.

– Такая, – согласился Ян, – ты прав.

Надо его пристрелить, подумал он отстранённо и усмехнулся. Ничего личного, жизнь такая. А потом не спеша придумать способ вытащить «шар». Он посмотрел на мрачного, насупившегося, исподлобья глядящего Киприота. Интересно, как бы тот поступил на его, Яна, месте.

– Вставай, – сказал Ян. – Пойдём, надо закончить дело. Да не трусь, я тебя убивать не буду. Не веришь? Зря.

Вдвоём они, опасливо ступая и стараясь не смотреть, обогнули то, что осталось от Прощельги, и спустились в расщелину. «Шар», наполовину зарывшись в землю, недвижно застыл, словно богатая заплатка на выдавшем виды пыльном камзоле. Ян, покачиваясь с пятки на носок, долго молча смотрел на него. «Шар» притягивал к себе, манил. Он, казалось, подмигивал Яну жёлтым весёлым глазом, уютно устроившись тут посреди побоища. Исполняет сокровенные желания, как же, расслабленно думал Ян. Тоже мне, сказочная фея. А если у меня нет желаний, да и откуда? Тем более сокровенных.

Есть одно, понял вдруг Ян. Одно-единственное, самое сокровенное. Жить, вот что я хочу. Жить во что бы то ни стало, что бы ни случилось и как бы ни обернулось.

Он шумно выдохнул, искоса посмотрел на застывшего в двух шагах Киприота. Тоже небось загадывает, подумал Ян беззлобно. Ну и пускай.

– Давай, – сказал он вслух, – взяли. Тяжеленный, должно быть, зараза.

Вдвоём они вытащили «шар» из расщелины. Он действительно оказался тяжеленным, и катить его вверх по склону было мучительно. У каменной гряды остановились, перевели дух.

– Ступай за рюкзаком, – велел Ян.

Киприот согласно кивнул и на заплетающихся ногах побрёл прочь по склону. Ян уселся и, опёршись о землю руками, безучастно смотрел, как тот спускается, потом ковыляет, сторбившись, к сараю, как надевает, путаясь в лямках, на спину рюкзак. Было душно, солнце палило нещадно, и пейзаж казался совсем мирным и безопасным, и не хотелось ни о чём думать, а в особенности о том, что час назад он убил человека, который хотел убить его. Ян мотнул головой, отгоняя навязчивую мысль о том, что он убийца, а с учётом Тони Джиронелли, уже двойной.

Навьюченный рюкзаком Киприот достиг подножия пика и теперь, пошатываясь, делал первые шаги вверх по склону. Порядочно обессилел, понял Ян, напрасно я его послал, надо было идти самому. Он поднялся, шагнул навстречу и уже собирался крикнуть Киприоту, чтобы тот стоял где стоит, уже набрал даже воздуху в грудь, но слова застряли у него в глотке. Перламутровые нити, заплетаясь в кружево и раскачиваясь, струились по склону Киприоту напереиз.

– Стой! – отчаянно заорал Ян. – Ложись!

Перламутровое кружево стрекнуло молнией. Вспышка накрыла Киприота, метнулся в небо огненный шквал и враз опал, сменившись клубами сиреневого вонючего дыма.

Ян, зажимая от смрада нос, с минуту молча глядел на то, что осталось от напарника. Затем опустился на колени, вытащил из-за пазухи револьвер Прощелыги, выщелкнул из барабана патроны и рукояткой принялся рыть землю. Копал дотемна, не давая себе ни минуты на передышку. Затем, постанывая от натуги, закатил в открытое углубление «шар». Закидал сверху землёй, утрамбовал и, не разбирая дороги, грудью расталкивая вечерние сумерки, пошёл из Зоны прочь.

Выбрался Ян уже в полной темноте и невесть в каком месте. Его немедленно пробрал мартовский холод. Найти ночью оставленную вне Зоны тёплую одежду было не проще, чем пресловутую иголку в стогу. То же относилось и к припрятанному в редколесье джипу.

Ян повернул назад и, едва перешагнув невидимую границу, мартовский климат сменился июльским. Можно было бы, отогревшись, вновь покинуть Зону и вволю постучать зубами от холода, чтобы потом забраться обратно. Сил на такие упражнения, однако, уже не осталось, да и простреленное плечо не давало забыть о себе ноющей болью. Ян мысленно махнул на опасность рукой, улёгся на жухлую мёртвую траву и закрыл глаза.

Поднялся он, едва рассвело, наскоро сориентировался и через полчаса выбрался на шоссе. Разыскал в редколесье припрятанный внедорожник, завёл мотор и ещё с полчаса сидел недвижно, расслабленно, наслаждаясь безопасностью и теплом. Затем встряхнулся, наскоро сменил перевязку, вырулил на трассу и погнал в город.

Что делать дальше, Ян не задумывался: времени решить у него будет достаточно. Сейчас необходимо было восстановить силы.

Ежи Квятковски, 15 лет, без определённых занятий

Ежи утопил заправочный пистолет в горловине бензобака и выжал рычаг. Водитель, благообразный господин в деловой тройке, откинувшись на сиденье, терпеливо ждал.

– С вас восемь пятьдесят, мистер, – Ежи наполнил бак и захромал к водительскому окну.

– Запиши на мой счёт, придурок, – водитель ухмыльнулся и дал по газам. – Мигнув на прощание фарами, «ягуар» вырулил с заправки на хайвэй и умчался.

Ежи тоскливо посмотрел ему вслед. Записывать номер бессмысленно: в дорожной полиции разбираться не станут, искать нарушителя тем более.

Отец выставил бензоколонку на продажу в апреле, сейчас уже июнь, и до сих пор не нашлось ни одного покупателя. И, разумеется, не найдётся: приобретать пользующееся дурной славой убыточное предприятие ни один здравомыслящий человек не станет. Цена, которую предложил город, оказалась недостаточной, даже чтобы оплатить долг поставщикам.

На бензозаправке Ежи просидел до полуночи, хотя обычно уходил домой около девяти вечера. Выручки за три лишних часа с грехом пополам хватило, чтобы покрыть восемь пятьдесят, не заплаченных благообразной сволочью. Когда перевалило за полночь, Ежи выключил, наконец, обе действующие колонки, навесил замки и, хромая, двинулся по направлению к дому. Он так и не оправился до конца после побоев. Несколько рёбер срослись неправильно, к боли при ходьбе Ежи привык, с накачивающими то и дело головными болями справиться было гораздо труднее. Отсутствие половины зубов усугубляло и без того безрадостное самочувствие. Вставить искусственные было не на что: страховая компания, полис которой Зденек Квятковски купил на последние деньги, платить стоматологу отказалась. Обжаловать отказ было негде и не у кого.

Запах гари Ежи почуял, когда до дома оставалось ещё больше полумили. Он принялся, охнул и зашпешил изо всех сил. Припадая на левую ногу и волоча правую, побежал навстречу стелющимся по ветру клубам сизого дыма.

Дом догорал. В двух сотнях футах от пожарища Ежи наткнулся на тело отца. Упал на колени, перевернул Зденека на спину. Зажав ладонями рот, чтобы не закричать, смотрел на изуродованное предсмертной мукой лицо с пробитой пулей глазницей. Затем ткнулся головой в землю и по-волчьи завыл.

Всю ночь Ежи бродил вокруг пепелища, пытаясь отыскать то, что осталось от матери. С рассветом отчаялся и побрёл от дома прочь, куда глядели глаза.

Нобелевский лауреат доктор Валентин Пильман в последние годы приобрёл обыкновение пропустить перед сном ночной колпачок. Алкоголь в разумных дозах, как полагал нобелевский лауреат, весьма способствовал улучшению метаболизма и стимулировал умственную деятельность.

В хармонтском научном городке вдовый и бездетный доктор занимал скромный коттедж. Тяга к роскоши была светилу мировой науки несвойственна, равно как и тщеславие. Прислугу Валентин после смерти жены рассчитал, оставив при себе лишь старую и сварливую Дороти, нянчившую его с того самого дня, в который будущий лауреат появился на свет. Дороти разменяла уже восьмой десяток, но по-прежнему прекрасно справлялась с обязанностями экономки, домработницы и молчаливого собеседника, когда доктор в таковом нуждался.

Душным июльским вечером Дороти, как обычно, без стука проковыляла в кабинет, где Валентин как раз готовился освоить ежевечернюю выпивку.

– Пьянствуешь, – констатировала экономка, с неодобрением поджав губы. – И этого человека я когда-то поила молоком из бутылочки и давала ему соску.

Валентин вздохнул, отставил в сторону рюмку с золотистым напитком и героически настроился выслушивать реприманду.

– Слава Создателю, я не доживу до того дня, как ты помрёшь от пьянства, – поведала старая нянька.

– Это неизвестно, – парировал Валентин, – вполне может статься, что доживёшь.

Дороти пожевала губами.

– Не очень остроумно, – сообщила она. – А вот скажи-ка мне, какое отношение к тебе имеет молодой человек не шибко приятной наружности, колченогий, кособокий и грязный?

– Боюсь, что никакого, – с интересом ответил нобелевский лауреат.

– И мне так кажется, – подтвердила нянька. – Тогда, может быть, ты объяснишь старухе, какого дьявола этот сопляк утверждает, что, кроме тебя, у него в нашем богом проклятом городке никого нет?

Валентин смутился.

– Не знаю, – честно ответил он. – И где сейчас этот сопляк?

– Да где же ему быть, как не у нас в прихожей. Надеюсь, он ничего не утащит, пока мы тут с тобой о нём разглагольствуем.

Валентин поднялся и, сопровождаемый экономкой, спустился по винтовой лестнице в прихожую. Внимательно осмотрел молодого человека не шибко приятной наружности и поинтересовался, с кем имеет честь.

Четвертью часа позже доктор Валентин Пильман усадил визитёра в кресло напротив своего рабочего стола, опустошил наконец-то заветную ёмкость с золотистым напитком и сказал:

– Слушаю тебя. Рассказывай всё по порядку.

Рассказ обо всём по порядку занял у Ежи полчаса. Когда он закончился, доктор Пильман долго молчал. Затем вскочил и зашагал по кабинету.

– Значит, ты полагаешь, что этот, как его, Джиронелли, отомстил за смерть брата? – бросил он на ходу.

– Думаю, что так, – Ежи опустил голову. – Другой версии у меня нет.

– Ну а твой брат? Ты считаешь, он жив?

– Не знаю. Надеюсь, что да. Однажды нам пришла открытка без подписи и обратного адреса. Я думаю, что её послал Ян. Понимаете, если его найдут...

– Понимаю, не продолжай, – Валентин снял очки и устало протёр глаза. – Что я могу для тебя сделать?

– Доктор Пильман, – слова давались Ежи с трудом. – Я никогда никого не просил. И ни о чём. Но если бы вы могли одолжить мне немного денег... Я отдам, клянусь памятью родителей, выплачу всё сполна.

Валентин не ответил. С минуту он размышлял, затем сказал твёрдо:

– Мы поступим по-другому. Я сейчас распорядюсь, Дороти накормит тебя и отведёт в ванную. Переночуешь у нас, а завтра я познакомлю тебя с одним полезным человеком.

На следующее утро старая Дороти завела неделями стоящий без дела в гараже «кадиллак» и уселась за руль – светило мировой физики водить не умел и учиться не собирался.

«Одним полезным человеком» оказался владелец частной клиники доктор Джеймс Каттерфилд, которого Валентин, пожимая ему руку, почему-то назвал Мясником.

– Врождённая дисплазия тазобедренного сустава, остаточные явления после травмы головного мозга, псевдоартроз как следствие неправильного сращения рёберных переломов, – осмотрев Ежи, поставил предварительный диагноз Мясник. – Подробнее скажу, когда поступят результаты анализов, но пока так. Не повезло мальчику.

– Напротив, мальчику повезло, – не согласился Валентин. – Потому что с завтрашнего дня вы, друг мой, всем этим займётесь. Хотя знаете, откладывать до завтра смысла не вижу. Начинайте-ка прямо сейчас.

Джеймс Каттерфилд задумчиво потерял подбородок.

– Мальчишку нужно разобрать и собрать заново, – сказал он неуверенно. – Это очень сложные операции. И дорогостоящие.

– Ничего, – успокоил Мясника Валентин. – Вы справитесь, а Нобелевской премии должно хватить на оплату ваших трудов, как полагаете?

– Что ж, – Каттерфилд хмыкнул. – Убедительно. Ваш родственник?

Валентин пожал плечами.

– Вряд ли, – сказал он. – Родственников у меня не осталось. Но для пользы дела считайте, что так.

Карл Цмыг, 29 лет, предприниматель

– Нехорошие новости, Карлик, – Носатый Бен-Галлеви хмурился, и, что новости нехорошие, можно было без всяких слов догадаться по скорбному выражению его лупоглазой продвунной рожи. – У нас, похоже, появились проблемы.

– Жизнь состоит из проблем, – философски заметил Карл. – Неудивительно, что они появились, особенно если вспомнить, чем мы тут занимаемся. Что случилось?

– Похоже на то, Карлик, что Прощельгу и Киприота пришили.

Карл нашарил в кармане пачку сигарет, вытянул одну, прикурил и жадно затянулся.

– Подробности, – коротко бросил он.

– В Зону они пошли втроём, в понедельник. Третьим был тот самый здоровила, которого ты велел разыскать. Прощельга и Киприот из Зоны не вернулись, джип Киприота нашли вчера брошенным на просёлке. Внутри следы крови, свежие. Я только что от Мясника, кровь четвёртой группы, у Киприота была первой, у Прощельги – второй.

Карл добил сигарету до фильтра, с силой затушил окурок в плевательнице.

– Что им просто не повезло, ты исключашь? – спросил он.

– Практически да. Сам прикинь: трое идут в Зону, двое бывалых парней и новичок. Возвращается один новичок. Куда они, кстати, ходили?

– К пику Боулдер. Значит, так: найдёшь Гундосого Гереша. Пускай возьмёт кого-нибудь и дует туда. На месте пускай посмотрят. В полицию позвони, скажи, чтобы Герешу с парнями не мешали, что я велел. Где сейчас этот новичок?

– Неизвестно, – Носатый пожал плечами. – В хибаре, где в последний раз ночевал, его нет. Ребята ищут. Он, судя по всему, прячется.

– Из-под земли пускай выроют, – Карл со злостью сплюнул на отполированный до блеска паркет. – И доставят сюда, мы тут с ним побеседуем. Я не люблю, когда убивают моих друзей. Понятно ли? Выполняй!

Отпустив управляющего, Карл выудил из кармана новомодную вещицу, к которой никак не мог привыкнуть, – сотовый телефон. Чертыхаясь, нашёл нужный номер.

– Это Карлик, – сказал он в трубку. – Нужно встретиться.

Капитан хармонтской полиции Ленни Уильямс, сменивший вышедшего в отставку желчного и неуживчивого Квотерблада, человеком был понимающим. Кроме того, капитан любил получать по праздникам подарки, да и разовыми вознаграждениями отнюдь не брезговал. В отличие от сухопарого, подтянутого предшественника, обладал капитан Уильямс солидным пивным брюшком, одутловатой раскормленной физиономией, обширной плешью и небесно-лубыми ангельскими глазками. Выражение их, впрочем, от наивной ангельской истомы существенно отличалось: был взгляд у Ленни Уильямса цепким, пристальным и недоверчивым.

– Конечно, Карлик, – без раздумий согласился капитан. – Где и когда?

Через час в отдельном кабинете «Хармонтской лакомки» Карл пожал Уильямсу руку.

– С утра завезли русскую икру, – доверительно сказал Карл. – Не чета канадской. Я, с твоего позволения, распоряжусь. Остальное как всегда?

Капитан Уильямс благосклонно кивнул. В принадлежащей Карлику Цмыгу «Лакомке» предпочтения капитана были хорошо известны. Кормили здесь обильно, вкусно, а особо желанных гостей ещё и за счёт заведения. Уильямс, впрочем, меру знал и столовался в «Лакомке» не чаще трёх-четырёх раз в неделю.

– У меня появилась небольшая проблема, Ленни, – сообщил Карл, когда капитан прикончил блины с русской икрой и приготовился приступить к утиному паштету с брусникой. – Хотелось бы узнать подробнее об одном пареньке. Зовут его Яном, около двадцати лет, воз-

можно, чуть больше. Высокий, спортивный, скуластое лицо, прямой нос, глаза серые. Он из новых, в городе без году неделя.

– Сделаю, – капитан Уильямс пригубил из пузатой рюмки, утёр салфеткой рот и придвинул к себе блюдо с паштетом. – Много их что-то стало в последнее время, этих «новых». Поговаривают, – капитан понизил голос, – что в Зоне кое-что изменилось. В сторону, так сказать, повышения интереса. Вот всякие и слетаются, что мошкара на свет. Слышал вчерашнюю новость про «шевелиющийся магнит»?

– Нет, – заинтересовался Карл. – Не успел. Что за новость?

– Представь, сцапали мы вчера одного сопляка. Совсем сопливого, прибыл к нам из Аризоны, удрал из дома, родители там по нему с ума сходят. Так вот, является этот сопливый сопляк вчера в «Боржч», вываливает на барную стойку здоровенный такой мешок и спрашивает: «Хабар здесь берут?» – Капитан захихикал. – Утрирую, конечно, но лишь самую малость. В общем, там ему быстро растолковали, где что берут. Не прошло и часа, как приземлился уже наш пострел в участке. Сержант составляет опись, всё как положено, развязывает мешок, а там... «шевелиющийся магнит», за который, если помнишь, твой покойный тесть отхватил двадцать тысяч зелёных, и с тех пор «магнитов» из Зоны не выносили, кончились они там, «магниты». В общем, позвонил я в институт, набежали оттуда высоколобые, такое закрутилось...

– Закрутилось, – механически повторил Карл. – Надо же. Знаешь что, дружище. Я предчувствую, в скором времени работы у нас у всех существенно прибавится. И поэтому хочу обратиться к тебе с просьбой. Если, например, объявится ещё один такой сопливый. Или не один. Пусть даже десяток или сотня объявится, которые не знают, куда сдать хабар. Или вообще ничего не знают. Не спеши закрывать их в кутузку или там, упаси боже, стрелять. А попросту позвони мне. За мной, как ты знаешь, не заржавеет. Договорились?

Капитан Уильямс залпом опрокинул в себя содержимое пузатой рюмки.

– Без проблем, Карлик, – сказал он. – Можешь на меня положиться.

Отзвонился капитан Уильямс на второй день.

– На том же месте, что позавчера, – коротко бросил он в трубку. – Приезжай прямо сейчас.

На этот раз терять время на сервировку стола не стали. Метрдотель споро откупорил бутылку коллекционного коньяка, сноровисто разлил по рюмкам, с достоинством поклонился и убрался вон.

– Значит, так, – взял быка за рога капитан Уильямс. – Парня твоего зовут Ян Квятковски, родом он здешний, хармонтский, но десять последних лет прожил с семьёй в Арлингдейле. Это такой курортный городишка в горах, не слыхал? Истории ещё о нём не так давно ходили: эпидемии там всякие, ураганы, сексуальный маньяк... Не слыхал? Ну и ладно. В общем, зимой этот Ян из Арлингдейла свинтил. Предварительно грохнув одного местного итальяшку. Хотя прямых свидетелей и не было, но убийство заочно повесили на него. Убитый, некто Антонио Джиронелли, был человеком определённого сорта и знался с людьми из коза ностры. В живых остался его брат Роберто, того же толка. В общем, пару месяцев спустя этот Роберто вырезал там по законам вендетты всю семью Квятковски. Дело, впрочем, заглохло на начальной стадии, гибель семьи списали на пожар. Так что наш парнишка, можно сказать, с прошлым, но это не главное.

– Что ж тогда главное? – удивился Карл.

– А то, что сегодня утром накрыли мои ребята этого парня. В заведении Лысого Бада, давно руки чешутся его упрятать, да всё не доходят никак. Едва Лысый открылся, наш человек стукнул, что притащили ему хабар. Ребята были там через пять минут, втроём, и что ты думаешь... Ян этот, когда браслеты на него надевать стали, отчудил. Тома и Барни вырубил на месте, прикинь. Барни-ирладнца помнишь? Тот ещё бычок. В общем, выдал обоим по портре-

там – и в окно. Но самое странное потом началось. Сержанта Келли он не достал, тот в стороне стоял. Так вот: Келли в него стрелял. Три раза стрелял, Карлик, считай, в упор. И все три раза промазал.

– Хорошие дела, – присвистнул Карл. – Так-таки и в упор?

– Так-таки. Раз с десяти шагов, когда тот сигал в окно, и потом ещё дважды вдогон. Все мимо, и парень ушёл через проходные дворы. Квартал, конечно, оцепили. И, конечно, без толку, кругом трущобы, чёрт ногу сломит, ищи там его свищи. А хабару он приволок подходяще. Пять «пустышек» и «браслет». По нынешним временам, считай, богатый хабар, жирный.

– Понятно, – задумчиво протянул Карл. – А что хозяин?

– Лысый-то? Он со страху там едва не обделался. Но от парня открестился: клялся, что в первый раз того видит, и дай бог, сказал, чтоб в последний.

Гундосый Гереш ждал Карла в саду, развлекаясь беседой с Сажей.

– Хорошая девка, Карлик, даром что черномазая, – гугниво похвалил Гереш, ничуть не смущаясь присутствием обсуждаемой. – Сиськи, задница, всё на месте. Каланча, правда, здоровенная, в общем, я бы с такой не стал – боязно.

Сажа залиvisto захохотала.

– Рот прикрой, – строго сказал Гундосому Герешу Карл. – Был бы жив покойный Гуталин, он тебе быстро бы прописал сиськи с задницей. И каланчу заодно.

– Да я что, я ничего, – принялся оправдываться Гереш. – Слова сказать уже нельзя.

– Он с Зоны, – отхохотав, объяснила Сажа. – Только что притопал, ему можно. К тому же он прав, я и в самом деле здоровенная каланча.

– Ладно, – смягчился Карл. – Иди поиграй, дочка. Ей ещё двенадцати нет, – обернулся он к Герешу. – Девка и вправду золотая. И вообще я к ней привязался. И подумываю удочерить, поэтому на будущее постарайся сначала пораскинуть мозгами, прежде чем нести абы что. Впрочем, сомнительно, что они у тебя есть.

– Да я что, – вновь забубнил Гереш. – Откуда мне знать, сколько ей лет. В общем, накрылись Киприот с Прощельгой, Карлик, царствие обоим небесное. Мартен в «мясорубку» угонил, от него мокрое место осталось. А Киприота, по всему виду, молнией пожгло, обуглился Киприот. Я сам едва не обуглился, чудом ноги унёс. «Весёлый призрак» там бродит, и, может быть, не один.

– Понятно, – тихо сказал Карл. – Сажа, смешай нам что-нибудь покрепче! – крикнул он. – Помянем. Так что же, получается, они сами по себе гробанулись?

– Да не похоже, – загугнил визитёр. – Киприот, земля ему пухом, может, и сам по себе. Не уберется. А Прощельге помогли. Фляжку его я там подобрал, выше по склону, по своей воле он бы с ней ни за что не расстался. Так что получается, кто-то Прощельгой «мясорубку» открыл. Расщелина сразу за ней, пустая, но видно, что топтались там, следов как у суки блох. И чего там было, в расщелине в этой, вынесли.

– Что-то не сходится, – сказал Карл задумчиво. – Если бы им, как ты говоришь, помогли, то обоим.

– Я сначала тоже так подумал. Но потом понял: Киприот, видать, накрылся до того, как эти гады сунули Прощельгу в «мясорубку». Не Киприот же это сотворил, они с Прощельгой с детства, считай, друзья были. Ладно, Карлик, теперь моя очередь пришла спрашивать. Кто это сделал?

Остаток дня Карл провёл в раздумьях. В Зоне явственно что-то готовилось. Он жил рядом с ней так долго, что уже, по сути, и позабыл, какое это страшное, зловещее и в ужас вгоняющее место на Земле – Зона. За многие годы Карл свыкся с ней, рисковал в ней жизнью, кормился с неё и стал считать чем-то постоянным, незыблемым, со своими, не понятными

человеку законами и свойствами, так и не объяснёнными, но раз и навсегда установленными и не меняющимися.

«Комариные плешки» и «мясорубки», «весёлые призраки» и «жгучий пух», «газированная глина» и «ведьмин студень» – ловушки, капканы и силки, поставленные на человека неведомо кем и неведомо с какой целью. Они же, эти неведомо кто, разбросали по Зоне приманку: «пустышки», «батарейки», «магниты», «чёрные брызги», «браслеты», «погремушки» – чёрт бы их побрал, сучьи.

Приманка оказалась не вечной: сталкеры, сожжённые, обуглившиеся, сгнившие в «студне», сгинувшие в «комариных плешках» и, наконец, уцелевшие, растащили хабар, пропили его, прожили, просадили в карты и на баб. Хабара почти не осталось, но неведомый кто-то смилостивился вдруг и вспомнил о потерявших промысел недобитых бедолагах. А вспомнив, решил их подкормить. По новой настроил ловушки и западни, разбросал наживку и теперь сидит где-нибудь, потирает беспальные, а может быть, наоборот, десятипалые инопланетные руки и хихикает в предвкушении предстоящей охоты. А мы: глупцы, придурки, недоумки, олухи – послушно подыгрываем этому гаду, и новые из нас готовы лезть в пасть к неведомому чудищу, гореть, гнить, поджариваться... Но ещё среди глупцов и недоумков попадают такие, как он, Карл, которые не просто тащат наживку, а тащат её по-особому, по-умному, организованно, чужими руками и во множестве.

– Карлик!

Карл потряс головой, отгоняя не слишком лестные о себе мысли. Носатый Бен-Галлеви переминался с ноги на ногу в дверях кабинета.

– Входи, – пригласил Карл. Он взглянул на часы. Ежедневный доклад должен был начаться только через сорок минут, и не здесь, а традиционно внизу, в холле. – У тебя что-то срочное?

– Да как сказать, – Носатый переступил через порог. – В принципе, могло бы и подождать, но я подумал, что ты захочешь узнать сразу. Только что этот парень, Ян, ухлопал Картавого Гендерсона и скрылся.

– Что?! – От накотившего бешенства Карл побагровел. – Этот сучий сын так и будет истреблять моих людей, а ты мне об этом докладывать?! Как он его ухлопал? Говори, ну!

Носатый Бен-Галлеви невозмутимо переждал начальственный гнев.

– Застрелил, – бесстрастно сообщил он, когда накал бешенства у Карла пошёл, наконец, на убыль. – Ты несправедлив, Карлик. Ещё недавно мы об этом парне ничего не знали. В общем, сегодня Картавый и Корсиканец его нашли отсыпавшимся на пустыре за Новым кладбищем. Ребята взяли его на прицел и сказали, что с ним хотят побеседовать, как ты и велел.

– И что? – спросил Карл с издёвкой. – «Здравствуй, милый» ему не спели? Верительные грамоты не вручили?

Носатый отвёл взгляд.

– Знаешь, Карлик, – сказал он. – Ты слишком многого хочешь от парней. Его надо было сразу класть, на месте, это ведь твой приказ был найти и доставить к тебе для беседы. Картавый поплатился за это жизнью. Корсиканец чудом уцелел – и то лишь потому, что у Яна патроны кончились. От пушки Прощельги Мартена, между прочим, патроны, пушку он там, на пустыре, и бросил. А не закончись патроны, Корсиканцу бы тоже настал конец, это к бабке не ходи.

– Не понимаю, – Карл с силой грохнул кулаком по столу. Новомодный сотовый телефон подпрыгнул и упал на пол. Корпус с треском раскололся, но Карл даже не обратил внимания. – Почему Корсиканец не мог его попросту пристрелить, когда увидел, как оборачивается дело?

– Наконец-то мы добрались до сути, – вздохнул Бен-Галлеви. – Там произошло недоразумение: парень, видать, спросонья решил, что его накрыла полиция, и грудью пошёл на стволы. Корсиканец стрелял в него, и Картавый стрелял, пока был жив. Знаешь, Карлик, тебе, навер-

ное, не понравится, что я сейчас скажу. Я думаю, пули его не берут. Можешь считать меня идиотом, но этот парень – заговорённый.

Карл саркастически хмыкнул.

– Так-таки прямо и заговорённый.

– Так-таки. Бывает, счастливец хапнет главный приз в казино. Но я не знаю ни одного, который бы хапнул дважды. А этот парень, считай, за пару месяцев трижды сорвал джекпот.

Карл насупился.

– Джекпот, говоришь, – раздумчиво сказал он. – Вот что: я не хочу больше терять людей. Приказ отменяю, скажи ребятам, пусть его оставят в покое. У меня есть человек, который с удовольствием этим счастливецом займётся.

Карл выслушал ежедневный отчёт, затем отпустил управляющего и взялся за телефонный справочник. Четвертью часа позже он набрал арлингдейлский номер.

– Меня зовут Карл Цмыг, – представился он, когда на другом конце линии сняли трубку. – Могу ли я поговорить с мистером Роберто Джиронелли?

– Говорите, – отозвался абонент. – Джиронелли у телефона.

– Прекрасно. У меня есть к вам предложение, мистер Джиронелли. Как говорил один ваш соотечественник, – Карл хохотнул в трубку, – предложение, от которого вы не сможете отказаться. Как вы смотрите на то, чтобы навестить меня? Все расходы, разумеется, за мой счёт.

Ян Квятковски, 22 года, без определённых занятий

Лёжа на спине, Ян мысленно подгонял невидимые в чернильном небе облака, наползающие на диск ущербной луны. Облака не спешили, они издевались над Яном, словно играли с ним в прятки и правила игры соблюдать не желали, то облизывая молочный лунный диск по краям, то отступая от него прочь. Когда, наконец, облака усовестились и накрыли диск полностью, Ян перевернулся на живот и, подняв голову, выглянул из-за скрывающей его кочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.